

ИСТОРИЯ ИСТРИНСКОГО РАЙОНА

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ДРЕВНИЕ ЖИТЕЛИ

История заселения Истринского края уходит в седую древность. Когда в этих местах впервые поселились люди, специалистами еще не установлено. Известно, однако, что в пределах нынешней территории Московской области древнейшие люди обитали уже 25 тыс. лет тому назад. С конца четвертого до середины второго тысячелетия до нашей эры в лесной полосе европейской части страны жили представители так называемой ямочно-гребенчатой культуры. Это были племена охотников и рыболовов, селившиеся, как правило, по берегам рек и озер. Жили они в небольших, круглых в плане и углубленных в землю жилищах. На местах их стоянок при раскопках обнаружены каменные и костяные орудия, керамика, украшения.

Позже здесь прошли миграционные волны различных народов: европеоидов и монголоидов — представителей больших основных рас человечества, а также балты, заселявшие в первом тысячелетии нашей эры территорию от юго-западной Прибалтики до Верхнего Приднепровья и бассейна Оки. Около трех тысяч лет тому назад на берегах р. Истры появились племена меря и весь. На протяжении многих веков, в результате взаимовлияния культур этих народов постепенно складывалась местная дославянская культура. Славяне-вятичи начали появляться здесь полторы тысячи лет тому назад из среднего Приднепровья. Так, постепенно, на протяжении нескольких тысячелетий складывались этнические корни тех, кто издавна жил на истринской земле.

Археологические исследования на территории Истринского района проводились в разное время: до революции, в советский период и сравнительно недавно, в 90-е гг. XX в. Впервые они приняли организованный характер в 1923—1924 гг., когда под руководством археолога Государственного Ново-Иерусалимского художественно-исторического краевого музея К. Я. Виноградова была обследована большая группа курганов Воскресенского уезда Московской губернии. К проводившимся до этого археологическим изысканиям К. Я. Виноградов относился критически. «Исследования на территории Воскресенского уезда в прежнее время, — писал он, — производились различными лицами с теми или иными заданиями, но эти исследования по своему характеру не могут нас вполне удовлетворить. Они велись не систематично, отрывочно, без достаточного охвата территории уезда, без детального изучения целых групп однородных и одновременных памятников, а изолированно, случайно, выхватывая один памятник из группы; при этом из случайно выхваченного для обследования памятника вещи поступали в различные хранилища, вплоть до кабинетов помещиков, как, например, коллекции, бывшие в имени Никольское-Урюпино» (речь идет о раскопках 1876 г.).

В результате обследования более 50 курганов К. Я. Виноградов пришел к выводу о том, что в XI—XII вв. на территории Воскресенского уезда проживало несколько племен. В восточной части уезда находились вятичи, тяготевшие к р. Москве, ближе к Воскресенску по среднему течению рек Истры, Озерны и Малой Истры — кривичи. Он не исключал также возможности поселений здесь новгородских славян. Граница между этими славянскими племенами проходила, по его мнению, недалеко от г. Воскресенска.

В более поздние времена раскопки на территории Истринского района проводились в основном силами специалистов Института археологии Академии наук СССР, ныне — Института археологии Российской Академии наук. Изучение местных памятников было связано, прежде всего, с работами таких археологов как К. Я. Виноградов, Р. Л. Розенфельдт, А. П. Смирнов, Л. И. Пимакин, А. Я. Брюсов, Н. А. Кренке, А. А. Юшко и многих других. Из известных историков старого поколения, принимавших участие в здешних раскопках, следует назвать Ю. В. Готье. В последние годы специальным изучением археологических памятников района занималась Археологическая экспедиция СПК «Измайлово» под руководством Б. Е. Янишевского. Экспедиция не только обобщила и систематизировала накопленный ранее археологический материал, но и внесла в него ряд корректировок,

выявила новые памятники и составила карту археологических памятников Истринского района.

В настоящее время на территории района известны 74 археологических памятника. Это — городища, селища, поселения, курганные могильники, курганы и остатки древних производств — следы плотин и производственных построек позднесредневекового времени. Древних летописных городов на истринской земле не было.

Городища, то есть укрепленных поселений, на территории района четыре: Андреевское, Бужаровское, Вельяминовское (городище Ильинское или Ильинский погост) и Курсаковское. Все они расположены на реках или в непосредственной близости от них. Андреевское и Вельяминовское — на р. Истре, Бужаровское на речке Таличке, Курсаковское — на речке Молодильне. Существование городищ исследователи относят к одним и тем же периодам — раннему железному веку, третьей четверти первого тысячелетия нашей эры.

Наибольший интерес из них представляют Андреевское и Вельяминовское городища. Андреевское городище имело овальную в плане форму размерами 70 x 30 м, его окружали три земляных вала и три рва. Во время раскопок на его территории были обнаружены лепная керамика с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности и гладкостенная керамика дьяковской культуры. Выявлены также остатки двух полуземлянок размерами 9x4и7x3м, которые служили жилищами для их обитателей. По результатам раскопок К. Я. Виноградовым выполнен реставрационный план этого городища.

Аналогичное устройство имело и Вельяминовское или так называемое Ильинское городище. Оно также было обнесено тремя земляными валами и рвами, но имело не овальную, а полукруглую в плане форму. Здесь были найдены: железный топор-кельт, грузики «дьякова типа», костяные четырехгранные наконечники стрел, обломки стеклянных браслетов, серебряный с чернью крест, фрагменты керамической посуды. Сложный состав находок обусловил и многоступенчатую датировку самого памятника: ранний железный век, третья четверть первого тысячелетия нашей эры, XI—XIII вв., XIV—XVII вв. Существуют предположения, что в позднем средневековье здесь располагался центр Сурожского стана, называвшийся Сурожиком.

Основную часть археологических памятников на территории Истринского района составляют селища и курганные могильники.

Селища отличаются от городищ отсутствием укреплений, часто это временные поселения, имеющие незначительный «культурный слой». Хронологически они относятся к раннему железному веку и средневековью. К настоящему времени выявлено 28 селищ. Среди них — Истринское; его остатки находятся в настоящее время на территории городского парка, между зданиями Дворца культуры и банка, а также на мысу левого берега р. Истры. По обнаруженным частям керамики и изразцам установлено, что в XVIII в. здесь располагалась мастерская по их производству. Селища выявлены непосредственно на территориях или рядом с населенными пунктами: Алехново, Андреевское, Бужарово, Вельяминово, Ивановское, Качаброво, Лечищево, Лужки, Лучинское, Максимовка, Мансурово, Обновленный Труд, Павловская Слобода, Первомайский, Полево, Полевшина, Новораково, Санниково и Хво-лово. Как показали раскопки, в части из этих населенных пунктов имелось в разное время по два или даже по три временных древних поселений. Видимо, эти места издавна считались удобными для жизни людей. На местах селищ найдены почти исключительно только различные типы керамики. Здесь встречаются: керамика гончарная древнерусская, в том числе с линейным орнаментом; гончарная бело-глиняная и красноглиняная, керамика лепная с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности и гладкостенная, дьяковской культуры и др.

Не менее интересными и многочисленными памятниками старины являются *курганные могильники*. На территории района их обследовано 55. Курганные могильники — это кладбища наших предков-славян, их можно встретить в разных местах района. К. Я. Виноградов считал, что по местам расположения курганных могильников «видно, что колонизаторы-славяне, вытеснявшие финнов, селились по берегам рек. Всмотритесь в

археологическую карту уезда, — предлагал он, — она ясно говорит вам об этом... Для курганных кладбищ славян XI—XII вв. выбирали обычно высокие точки правого и левого берега, отсюда открывался красивый, широкий и далекий горизонт. В этом хочется подметить один штрих психологии славянина по отношению к умершим: заботливое отношение к ним; он хочет как бы окружить красотой природы своих умерших родственников...

ИСТРИНСКАЯ ЗЕМЛЯ В XVI—XVII вв.

Об истории нашего края до середины XVI в. можно судить по духовным грамотам (завещаниям) великих князей, разрозненным актам дворянского и монастырского землевладения и по очень ценной и подробной разъезжей (межевой) грамоте Ивана III (1504 г.).

В завещании Ивана Калиты, которое прежние исследователи относили к 1328 г., а сейчас принято датировать примерно 1339 г., уже встречаются таие названия, как Сурожик, Мушкова гора, Бели, с. Лудинское (позже Лучинское), Тростна, Негуча и Скирминовское. Эти местности, кроме Лучинского, указаны как некоторые территории, волости, но они должны были, конечно, иметь центры для своего управления. Предположительно таким центром Сурожика был Ильинский погост на городище (около д. Котерево и Вельяминово), центром Мушковой горы — Мушков погост (южнее с. Синева), центром волости Бели — с. Бели, центром Скирминовской (Скирмановской) волости — с. Скирманово, которое сейчас находится в Рузском районе. Лучинское, как следует из межевой грамоты 1504 г., также имело свою волость. Сурожик — местность, где позже возник город, с. Луциньское — нынешнее Лучинское, которое граничит с территорией г. Истры. Сурожик и Луциньское по этому завещанию переходили к вдове князя с меньшими детьми.

В духовной грамоте царя Ивана IV Грозного (1572) также указываются Сурожик и Лучинское, которые должны были перейти к его старшему сыну Ивану. Но через 9 лет царь в припадке гнева убил своего наследника, и новым государем стал Федор Иоаннович.

В документах, начиная с XVI в., показаны селения, находившиеся в границах современной Истры. Писцовая книга 1584—1586 гг. описывает место будущего города как земли Сурожского и Горетова станов Московского уезда. Значительную часть этих земель занимали владения князя Семена Ардасовича Черкасского в Сурожском стане, центром которых было с. Лучинское, ныне почти граничащее с городом. Сюда относились д. Сычова на речке Истрице, «да под тою же деревнею перевоз». Это будущая Сычевка, а перевоз через р. Истру был тут и в XIX в.; д. Макрушино на речке Песочне — позже Макруша, а ныне микрорайон в восточной и южной части города; пустошь Котелниково — будущая д. Котельниково — находилась на левом берегу р. Истры, близ центра города. В XVII в., когда тут построили церковь, деревня была переименована в с. Вознесенское. Впрочем, в документах 1773—1864 гг. такая деревня снова значится. Пустошь Зиновьева — позже некоторое время была деревней.

В Горетовом стане находились: д. Сафатова на речке Песочне — «за Левонтьем за Михайловым сыном Курчова, что было за Офросиньею за Ивановскою женою Курчова». Деревня относилась к владению с центром в с-це Кречкове на Песочне — ныне это д. Рычково. Около 1636 г. в деревне была построена церковь Воскресения; пустошь «что была деревня Князщина», принадлежавшая Богдану Ивановичу Полеву. Позже д. Князщину называли Полево, теперь это микрорайон г. Истра.

В XV—XVI вв. край был уже в значительной степени обжит. Везде находились мелкие деревушки; они встречались даже там, где сейчас шумят обширные леса. Так, множество деревень существовало на севере Деньковского округа, немало селений отмечено и на пространстве между д. Кострово и территорией Одинцовского района.

Под новую деревню рубился лес и выжигался подлесок, золой удобрялась скудная здесь почва. После оскудения земли урожаем, очередного морового поветрия и других бедствий деревня исчезала, превращалась в пустошь. В большинстве пашня и сенокосы на пустоши

продолжали обрабатываться, за нею сохранялся владелец. И лишь относительно *небольшая часть пустошей* превращалась в «порозжие земли», которыми «не владел никто».

Деревни в основном группировались вокруг сел и селец. Так, в начале XVI в. с. Бужарово имело вокруг себя около 20 деревень и пустошей. В середине того же века с-цо Кучино на речке Мологоще (ныне Дедешино) объединяло 10 деревень и 2 пустоши, из которых до XX в. дожило лишь Железниково. Следует пояснить, что селом в XV—XVI вв. именовался не обязательно населенный пункт с церковью, как это было принято позже, а просто большое селение, где помимо крестьянских хозяйств имелось что-нибудь владельческое или монастырское: двор вотчинника или хотя бы двор скотный, конюшенный. Селами названы в писцовых книгах и актах Ломишинское (Ламишино), Павловское (ныне Ивановского округа), Тчаново (Чаново), Юрьевское (Юрьево), хотя при них не показан не только храм, но даже церковная земля. Сельцом называлось аналогичное селение поменьше. Характерно, что некоторые населенные пункты одна и та же писцовая книга называет то селом, то сельцом. Все же в сельце храм бывал редко.

Грань между сельцом и деревней также была размыта. Встречались и деревни с дворами помещиков и вотчинников (Ядромино, 1623 г.). Упоминаются также починки — недавно возникшие деревни, обычно состоявшие из одного двора. В этом дворе, однако, жило нередко *человек десять* — таковы были семьи в то время. Особым населенным пунктом был погост — церковь с дворами клириков, расположенная вне деревень.

Кстати, до начала XVIII в. земельные владения служилых людей разделялись на вотчины, переходившие по наследству, и поместья, не подлежащие наследованию. Поэтому землевладельцы разделялись на вотчинников и помещиков, в Истринском крае первые значительно преобладали. Различие между вотчиной и поместьем постепенно стиралось, и указом 1714 г. они были уравнены.

Судебник Ивана III 1497 г. разрешал крестьянам переход к другому хозяину — один раз в год, поздней осенью: «А Христианом отказыватися из волости, из села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего». Такая же формулировка содержится в судебнике Ивана Грозного. Затем переход крестьянам начали запрещать, но иногда вновь разрешали.

Писцовые и переписные книги XVII—XVIII вв. содержат множество указаний на бегство крестьян *от хозяев*, причем *часто поясняют, что крестьянин* живет у такого-то помещика в таком-то уезде. Был положен определенный срок розыска беглых, который постепенно увеличивался. Так, около 1594 г. он равнялся 5 годам: «А за кем крестьяне живут болши пяти лет, и тех крестьян назад не давати». Закрепощение в начале XVII в. усилилось. Соборное уложение 1607 г. предписывает уже 15-летний срок: «Которые христиане от сего числа пред сим за 15 лет в книгах 101-го (1593) году положены, и: тем быть за теми, за кем писаны...». Наконец, 2 января 1649 г. был составлен соборный приговор об отмене урочных *лет* для сыска.

Акты, особенно монастырские, хранят сведения о налогах, собираемых с крестьян. Они были обширны, но это говорит и о возможности крестьян платить такие подати. Их можно сравнить с налогами на подворье позднейшего времени, вплоть до 30-х гг. XX в. В конце XVI в. крестьяне с, Карцева и других селений Подмосковья, принадлежавших Новинскому монастырю, должны были сдавать 60 яиц с подворья в год; в середине XVIII в. жители Павловской казенной вотчины давали около 25 шт. Для сравнения — в конце 1930-х гг. подмосковные крестьяне сдавали 50 шт. в год.

Отсутствие камня для строительства жилищ заставляло не только простых крестьян, но и бояр строить свои дома из дерева; деревянными были даже царские дворцы. Неприступных замков, где можно было укрыться от «черни», на Руси не существовало. Уже одно это заставляло знатных русских людей больше считаться с простым народом, по сравнению с западными феодалами. Быт служилых землевладельцев вообще мало отличался от крестьянского. Один европейский путешественник так отозвался об их жилищах: «...мы проезжали мимо многих боярских и дворянских дворов, в которых жили сами хозяева, но дворы эти

состояли только из бревенчатых домов и мало отличались от прочих крестьянских домов, и были они гораздо хуже построены, чем крестьянские дворы в Дании или Норвегии. Дворы эти весьма плохо устроены, так что кто не знает местных обстоятельств, мог бы предположить, что в них живут очень бедные крестьяне».

К середине XVI в. административное деление Руси приняло более четкие очертания. Главными единицами являлись уезды (в значительной мере — бывшие уделы), которые разделялись на станы и волости. Волость не была частью стана, так назывались небольшие станы. Эта картина на Истринской земле выглядела так. По р. Истре, начиная с устья, шла граница между Горетовым станом уезда Московского (левый берег) и Городским станом уезда Звенигородского (правый берег). За д. Оносьино (Аносино) начинался Су-рожский стан Московского уезда, занимавший территории по обоим берегам реки; севернее его продолжал тянуться Горетов стан, доходивший до современного водохранилища; Звенигородская граница отходила к югу. Она проходила в верховьях речки Разварни: д. Лукино была Звенигородской, а с-цо Бутырево — Московским, Сурожским. Еще западнее Сурожский стан занимал почти все междуречье Молодильни и Мологощи (Маглуши), он тянулся до самого с. Петровского (Новопетровское), которое частично относилось к этому стану.

В верховье Малой Истры и по левому берегу нижнего течения Молодильни находился Тростенский стан Звенигородского уезда, а по тому же берегу Молодильни, но повыше — Скирманов стан уезда Рузского. За с. Петровским начиналась Шелковская волость Рузского уезда, территорией почти совпадавшая с современным Деньковским округом. К северу от Петровского тянулся Ижевский стан уезда Дмитровского, к которому принадлежала и часть этого села. Восточнее начинался Мушков стан того же уезда, доходивший до р. Истры (с. Ламишино) и даже захватывавший небольшую территорию на другом ее берегу (с. Кутузово).

Севернее Мушкова располагались еще два стана Дмитровского уезда: Раменский (по речке Раменке) и Берендеев (по обоим берегам Истры). Наконец, по обоим берегам Маглуши островом располагалась волость Воиничи уезда Рузского. На северной окраине будущего района вклинивался Зарадомский стан Дмитровского уезда, захватывавший лишь с. Вогнениково (Огниково).

Истринский край пересекали три дороги, расходящиеся от Москвы веером. Югом шел путь на Онуфриев монастырь. Он проходил через д. Веледниково, с. Павловское, далее правым берегом р. Истры и южнее д. Горшково. Центральной по положению, но не по значению дорогой была Волоцкая; ее трасса во многом совпадала с современным шоссе. Роль дороги возросла после основания Нового Иерусалима (1656 г.). Севернее шел, видимо, самый главный путь XVI—XVII вв. — на Иосифо-Волоцкий монастырь и далее на Старицу, Новгород. Здесь проезжали даже иностранные послы. Были и многочисленные поперечные, а также диагональные дороги. В конце XVII в. упомянута дорога, по которой ездили из Можайска в Пятницу-Берендеево, проходила она через с-цо Троицкое (ныне д. Троица).

По уездам Московскому, Звенигородскому и Рузскому сохранились писцовые книги XVI в. (более ранние не дошли), а по Дмитровскому — к сожалению, их нет. Этот пробел восполняется большим количеством актов, дошедших до нас из архивов монастырей, имевших здесь обширные владения. От XV в. сохранилось уже значительное число актов, упоминающих Истринские селения. Следует выделить материал, касающийся с. Новопетровского (приобретение его князем Даниилом Холмским) и первое упоминание о с. Лужки и д. Павловское Ивановского округа. В 1431—1433 гг. с. *Лушковское* и Павловское с деревнями были подарены их владельцем, иноком Авраамом Микулиным Московскому Чудову монастырю. Данная грамота была опубликована лишь в 1998 г., и теперь жители этих селений могут отсчитывать их возраст не от 1584 г. (писцовая книга), а от 1431 г.

Инок Авраам считается родственником Пушкиных — предков поэта. Вообще, Пушкины и их боковые родственники — Товарковы, Рожновы, Внуковы имели в Истринском крае обширные владения, что говорит об их весе при дворе (ближнее Подмосковье, как-никак!).

Федор Васильевич Пушкин владел в 1584 г. д. Селцо на р. Истре, в Сурожском стане. Иван Иванович Пушкин (до 1611—после 1632) владел в 1623 г. пустошью Поповской-Церковной (близ д. Алексеевки). Он служил воеводой в Михайлове, Туле, на Верхотурье. Его сын Борис Иванович Пушкин — известный дипломат, владелец д. Скрябине В 1821 г., со смертью Николая Львовича Пушкина — старшего дяди поэта, владения на Истринской земле знаменитым родом были утрачены.

В XV—XVI вв. сельские храмы строились почти исключительно из дерева. Поэтому каменная церковь Рождества Христова в с. Юркине, выстроенная до 1504 г., является уникальным памятником церковного зодчества. Построенная в вотчине Голохвастовых — знатных служилых людей, искусных дипломатов, церковь отличается своей архитектурной простотой, объясняемой утратой части декора. Вследствие этого размеры маленького храма представляются внушительными, в то время как многие огромные «поздние» церкви, перенасыщенные узором, кажутся миниатюрными.

В середине XVII в. на Истринской земле произошли два важных события. Первое — возникновение обширной вотчины боярина В. И. Морозова с центром в с. Павловском, где боярин возвел великолепный храм Благовещения (закончен в 1667 г. его вдовой). Второе событие еще важнее. В 1656 г. Святейший патриарх Никон основал Ново-Иерусалимский монастырь, ставший сердцем края. Это обогатило Русь единственным в своем роде духовным центром и предопределило рождение г. Истры.

К моменту создания обители многое изменилось в России. Были несколько преодолены последствия Смутного времени. Расширились границы государства. В городах строили каменные храмы. Росли промышленные предприятия. Крестьяне стали окончательно крепостными. Землевладельцев перестали указывать в актах по кличкам («Неушшой», «Истома», «Невежа»...), перейдя полностью на церковные имена. Селом теперь называли лишь селение с храмом. Бесчисленные маленькие деревушки исчезли, уступив место «укрупненным», в основном сохранившимся до сих пор. Казалось, жизнь русских людей входила в упорядоченное русло. Но спокойного процветания не получилось. XVII в. оказался «бунташным». К этому времени в религиозном русском обществе созрело убеждение: тонкости церковного благочестия столь же важны для спасения души, как и основы учения Церкви. Весной 1654 г. в царских палатах при участии царя Алексея Михайловича состоялся церковный собор на котором Святейший патриарх Никон, указав на отличия в русских богослужебных книгах от неповрежденных греческих, просил благословения на их исправление. Собор постановил: «достойно и праведно исправить нротиву старых харатейных и греческих». Это постановление, подтвердившее распоряжение Никона против двуперстия и т. д., привело к противостоянию среди верующих. Впоследствии предпринимались попытки к примирению, но ссора Патриарха с царем и ссылка первого усугубили дело, ширилось преследование несогласных. Русское общество пошло по пути раскола.

В XVII в. прошли три переписи русских земель. Первая проводилась в 1620-е гг. Были составлены писцовые книги, которые сохранились по всем четырем вышеуказанным уездам нашего края. Вторая перепись прошла в 1646 г., и были составлены *переписные книги*, в которых уже не показаны пустоши и не дана площадь земель. Главное внимание теперь обращалось на жителей — происходил постепенный переход с поземельного на подушный оклад. По Звенигородскому уезду переписная книга 1646 г. не сохранилась, по Дмитровскому — дошла до нашего времени, но почти не поддается прочтению. Уже в XIX в. исследователи (Я. Копьев) жаловались на ее скверное состояние, но тогда значительную часть еще можно было прочесть. Пробел по Звенигородскому уезду во многом возмещают акты хозяйства боярина Б. И. Морозова 1651—1652 гг. (опубликованы).

Переписные книги 1677—1678 и 1704 — 1705 гг. в основном сохранились. В 1710 г. были впервые составлены *ревизские сказки* Московского уезда, они интересны тем, что здесь было впервые показано число женщин, которых в то время было лишь чуть больше, чем мужчин. Переписные книги 1715 г. по Дмитровскому и Звенигородскому уездам также дают число

женщин, но материалы ревизий 1720-х и 1747—1748 гг. снова «обходятся» без них. Хорошо сохранились последние книги, но снова — пробел по Звенигородскому уезду.

ЗАМЫСЕЛ ПАТРИАРХА

В 1653 году Патриарх Никон приступает к построению на Валдае обители в честь Иверской Иконы Пресвятой Богородицы. В своих поездках в Иверский монастырь Святейший часто останавливался в с. Воскресенском. Однажды, проезжая из Звенигорода, он съехал на дорогу к Волоколамску, «в деревеньку дворянина Романа Феодоровича Боборыкина, что стоит над Истрой рекой, и подальше того с поприще места на той же Истре реке прииде на некое место, пустое, та же река обошла около; а где быти пришествию, и тому месту и туто пятьдесят сажений меж тое реки... И полгобися место тое ко строению монастыря, и о сем испроша у благоверного и боголюбивого государя Алексея Михайловича. И последи того приказа тое место очистити, бысть же лесно добре».

Как свидетельствуют акты Иверского Святоозерского монастыря, 3 ноября 1655 г. для Иверского монастыря Патриархом Никоном куплено у Рома-

Строительство монастыря возобновилось в 1679 г. по указу царя Феодора Алексеевича. Уже при царях Иоанне и Петре Алексеевичах собор был завершен и освящен в 1685 г. патриархом Иоакимом в присутствии царской семьи. В 1690—1694 гг. была сооружена каменная крепостная стена с 8 башнями, получившими библейские имена: Гефсиманская, Сионская, «Давидов дом», Иноплеменничья, Варуха, Ефремова и Дамасская, надвратная башня между Давидовой и Иноплеменничьей получила название Елизаветинской, в честь императрицы Елизаветы, много сделавшей для возрождения обители. Тщанием царевны Татьяны Михайловны были построены трапезные палаты с церковью Рождества Христова (1686—1692), на Святых вратах по проекту Я. Г. Бухвостова мастерами Филиппом Папугой и братьями Михайловыми сооружена многоярусная церковь в честь Входа Господня в Иерусалим (1694—1697), возведены больничные палаты с церковью Трех Святителей (1698) на месте разобранной деревянной церкви Воскресения Христова, построенной Патриархом Никоном. Также строятся настоятельские покои, палаты царевны Татьяны Михайловны, два братских корпуса, караульные палаты по сторонам Святых ворот, квасной погреб, солодежные и кузнечные палаты.

В 1694 гг. цари Иоанн и Петр посетили обитель для осмотра строительных работ. В 1698 г., по преданию, царь Петр посетил монастырь — в честь победы под его стенами над взбунтовавшимися стрельцами — и оставил здесь ленту и знаки ордена Св. Андрея Первозванного. Действительно, по описям XVIII в. эти вещи значились как принадлежавшие Петру I.

В 1723 г. обрушился оказавшийся слишком тяжелым каменный шатер над ротондой Святого Гроба, но никто не пострадал, поскольку все находившиеся в храме вышли крестным ходом к Елеонской часовне. Большой пожар 1726 г. привел к еще большим разрушениям. После этого обитель не раз посещала императрица Елизавета Петровна, озабоченная столь горестным состоянием святого места. Она приказала восстановить собор, что и выполнил архимандрит Амвросий Зертис-Каменский, назначенный в 1748 г. именным указом императрицы настоятелем Воскресенского монастыря. Он управлял обителью до 1765 г., когда уже являлся архиепископом Крутицким. 16 сентября 1771 г. владыка Амвросий был убит во время чумного бунта в Москве.

19 июля 1749 г. монастырю было возвращено его историческое название, именным указом императрицы Елизаветы Петровны обитель стала называться «Ставропигиальным Воскресенским, Новый Иерусалим именуемым, монастырем».

Под руководством архимандрита Амвросия собор был возобновлен по проекту архитектора

графа В. В. Растрелли, над ротондой возведен деревянный шатер, внутреннее убранство собора получило пышный облик в стиле барокко середины XVIII в. Работы были завершены уже архитектором К. И. Бланком при императрице Екатерине II. В 1764 г. Бланк ввел в проект свои изменения, в результате которых ротонда собора обрела еще более тяжеловесное, перегруженное скульптурными элементами убранство.

В 1762 и 1792 гг. обитель претерпела новые губительные пожары, после них средства на возрождение поступали от императрицы Екатерины II. В ее царствование, 9 июня 1780 г., посещал святую обитель римский император Иосиф II.

Замысел Патриарха Никона о Новом Иерусалиме не удалось осуществить во всей полноте. По мере устройства Воскресенского монастыря соотношение Российской Палестины с первообразом становится все более условно-символическим. В XIX в. мы уже не видим топографического соответствия окрестностей монастыря с первообразом. Село Никулино именуется селом Скудельничим; березовая роща к юго-западу от обители — Уриным садом, а к северо-западу — Гефсиманским садом; ручей, обтекающий монастырский холм, — потоком Кедрон, дуб на его берегу — Мамврийским; овраг с северо-западной стороны — Иосафатовой долиной, а с восточной — Юдолью плача; источники на северо-западном и северном склоне монастырского холма получили соответственно названия Силоамская купель и кладезь Самарянки (они имели часовни, ныне не сохранившиеся); роща в двух верстах от монастыря именовалась Рамской; сохранялись названия, данные Патриархом, — Иордан, Фавор, Елеон. На карте 1853 г. можно видеть Рамскую рощу (по дороге на Рычково), Египетскую страну (юго-западнее монастыря), Плачевный путь...

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДА. ВОСКРЕСЕНСК ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.

К 1764 г. монастырю принадлежали многие селения в его окрестностях: Вознесенское (бывшая д. Котельниково), Рычково, Никулино, Андреевское, Небогатково, Троицкое, Санниково, Буньково, Котерево и др. В этом году произошла секуляризация монастырских земель, жители селений перешли в категорию экономических крестьян, которые обладали относительной личной свободой, в частности, в выборе характера занятий.

В 1773 г. монастырь владел близ себя лишь 121,5 десятины земли, из которых 63 десятины приходились на сенные покосы. Среди бывших монастырских селений крупнейшим было с. Вознесенское (70 дворов, 200 мужчин, 207 женщин). Примечательно, что согласно ревизии 1748 г. жителей в селе было гораздо больше, только мужского пола 433 души.

В 1781 г. во время территориально-административной реформы с. Вознесенское было преобразовано в г. Воскресенск. Решение о преобразовании села в город пришло не сразу. Имелись в виду и другие варианты образования в этом месте нового уезда и его центра. Так, в Российском государственном военно-историческом архиве имеется карта конца XVIII в., на которой показан «вновь назначенный уезд» с центром не в Воскресенске, а в с. Еремееве. В то время Еремеево было крупным селом и вместе с с-цом Алексином и д. Под-порино, Лисавино, Адуевцово принадлежало Коллегии экономии. В целом в этой бывшей вотчине Вознесенского Московского девичьего монастыря в 80-е гг. XVIII в. числилось 119 крестьянских дворов и проживало 915 человек. Село находилось на равном удалении от двух трактов — из Москвы в Волоколамск и из Москвы в Клин. Новый уезд планировалось составить «из частей Московского, Рузского, Дмитровского и Звенигородского уездов». Но, вероятно, решение в пользу Воскресенска было сделано в связи с тем, что по численности населения он в два раза превосходил Еремеево и через него непосредственно проходило несколько важнейших дорог — на Москву, Волоколамск, Клин и Звенигород. При этом сыграло роль и то, что на территории Воскресенска находился Ново-Иерусалимский монастырь, который был не только крупным центром православия, но и крепостью. Наконец, будущий город располагался при слиянии различных рек и речек, в то время как Еремеево находится в верховьях мелких ручьев, что могло создать трудности с питьевой водой.

В именном указе императрицы Сенату от 5 октября 1781 г. «Об учреждении Московской губернии» предписывалось: «Всемиловнейше повелеваем нашему генералу в Москве

главнокомандующему Князю Долгорукову Крымскому, в конце будущего 1782 года исполнить по Учреждениям Нашим, изданным для управления губерний, в коих столицы в Московской губернии, составляя оную из 14 уездов, и именно: Московского, Воскресенского, Богородского, Бронницкого, Коломенского, Серпуховского, Никитского, Подольского, Звенигородского, Рузского, Можайского, Волоколамского, Клинского и Дмитровского; вследствие того переименовать городами экономическую слободу, близ Воскресенского монастыря лежащую, ямское село Рогожу, село ведомства конюшенного Бронницы, дворцовое село Колычеве и экономическое село Подол под названием: Воскресенск, Богородск, Бронницы, Никитск и Подол...».

Был учрежден герб г. Воскресенска: в его верхней части — герб Москвы (Георгий Победоносец, поражающий крылатого дракона), в нижней — «золотое солнце в голубом поле, яко принятый всеобщий знак, означающий имя сего города». Сияющее солнце с человеческим лицом и многочисленными отходящими от него радиальными лучами, раскрывало суть названия «Воскресенск», как города возрождения, воскрешения. Воскресенск стал центром Воскресенского уезда, на территории которого находились 138 государственных и 364 помещичьих села и деревни. Но в 1791 г. с переводом Воскресенска в число заштатных городов часть его уезда присоединили к Московскому, а часть к Рузскому. В 1796 г. Воскресенск и территория бывшего Воскресенского уезда вошли в Звенигородский уезд, в составе которого находились до 1921 г. Впрочем, согласно Всеобщему описанию губернии 1800 г., город все еще относился к Рузскому уезду. Город делился прямыми улицами на равные кварталы, в каждом из которых должны были жить люди одного сословия: «кварталы для обывательского строения, кварталы для разночинцев, кварталы для солдат». Дома обывателей размещались в основном в средней части города и на его окраинах, разночинцы жили ближе к центру, солдаты — в северной части, недалеко от городского кладбища. Священно- церковнослужителей предполагалось «поместить в ближайших кварталах к церкви».

На главной площади, которая имела овальную, точнее, восьмиугольную форму, размещались: в центре — часовня, присутственные места, дома городничего, казначея и уездного землемера, полиция, почта. В непосредственной близости от центральной площади находились «анбары для ставки вина и клажи соли», за которыми был особый досмотр. Планом было предусмотрено, «для безопасности тех магазинов от пожарного случая», расчистить вокруг них необходимое пространство. Рядом с площадью находились «постоялые дома» для приезжих купцов и богомольцев. В южной и отчасти в центральной части города находились скотобойни и мясные ряды, пивоварни, хлебные ряды и молочные лавки, площадь для продажи сена и дров, кузнецы, конюшенный двор. Планом рекомендовалось ставить трактиры и «казенные питейные дома в кварталах по удобности». С северной, восточной и южной сторон город был окружен земляным валом.

Особое место в плане отводилось монастырю. По замыслу авторов плана подходы к нему со стороны города должны были быть расчищены. На плане проведена условная граница, за пределами которой строительство в сторону монастыря было запрещено. Эта запретительная линия в основном сохранилась и теперь. Сейчас к монастырю все ближе подступают жилые кварталы и дачи с других сторон — севера, запада и юга, постепенно лишая его доминирующего положения над местностью.

План реконструкции Воскресенска полностью реализован не был. Слишком много в будущем городе находилось стихийно расположенных строений. Удалось лишь перенести дома, закрывавшие вид на монастырь. Но новые здания возводились уже с учетом екатерининского плана. Постепенно прямую разбивку улиц удалось осуществить.

Сохранилось свидетельство о Воскресенске тех лет. В экономических примечаниях генерального межевания земель Воскресенского уезда 1784 г. о городе приводятся следующие данные. Он располагался на площади в 13 десятин, в нем было 70 дворов и жили 407 человек. Деревянная церковь во имя Вознесения Господня имела два придела — св. Пророка Илии и Покрова Пресвятой Богородицы. «Жители того города торгу никакого не

имеют, а промышляют хлебопашеством, сапожною и столярною работою. Женщины упражняются в домашнем рукоделии. Против одного города река Истра в летнее время в самых мелких местах глубиною бывает ко дну четверть, а шириною двадцать сажень. По ней во время полой воды бывает гонка лесу <...> В одной реке ловится разных родов рыба, в той речке вода здорова».

Несколько иные сведения о городе за это же время приводятся в других источниках. Например, в текстовой части карты Московской губернии 80-х гг. XVIII в. (авторы — землемеры Федор Кондратьев, премьер-майор Карл Нейман и капитан Петр Ушаков) указано, что в Воскресенске находилось 100 обывательских домов. Каменными в городе были только две постройки — здания монастыря и монастырский гостиный двор, в котором размещались присутственные места. Жителей (указаны, видимо, только мужчины) было больше, чем приводится в предыдущем источнике: служащих — 32 человека, «духовного чина» — 4 человека, купцов и мещан — 272. Последние, как указано в документе, «пропитание имеют от продажи в торговые дни мелких лавочных товаров и съестных припасов, разных рукоделий и хлебопашества». Ярмарка устраивалась один раз в год, в день Вознесения Господня, «из околележащих городов купцы привозили серые сукна, шапки, кожи и прочие мелочи». Торги (базары) были еженедельными, по субботам, торговали на них «разными хлебными припасами».

Кроме того, что Воскресенск стал центром уезда, он объединял вблизи себя 15 селений, которые образовали здесь своеобразный округ. Все эти селения находились в ведении Коллегии экономии. «В одном городе, — записано в «Экономических примечаниях», — обмежеваны в одной округе селы: Никулино, Преображенское тож, Воздвиженское, Дорна тож, Троицкое, слободка Макруша, деревни: Андреевская, Котелники, Ивановская, Качаброва, Сан-никова, Ермолина, Рычкова, Небогаткова, Высокая, Кашина, Полева». Всего «в градской окружной меже» вместе с Воскресенском было 350 дворов, 2184 жителя (1093 мужчины и 1091 женщина) и 4576 десятин земли, из которых 2503 использовались под пашню, 513 — под сенокос, лес занимал около трети всей территории — 1330 десятин. Земля в этих местах была «иловатая», хлеб родился «средственный», покосы были «хороши», лес — строевой, сосновый, но был и дровяной — березовый и осиновый. На речке Песочне стояли две мельницы. Крестьяне находились на казенном оброке, занимались извозом в Москве и других городах, содержали постоянные дворы «при большой дороге» (то есть Волоколамской), а также промышляли сапожной и столярной работой.

Число жителей г. Воскресенска в 1787 г. достигло 1008. Из 135 домов города 70 принадлежали мещанам, 27 церковнослужителям, 20 купцам, 11 разночинцам и 7 дворянам. Среди городских сословий основную массу составляли мещане, служители монастыря, местной церкви и купцы. Представители последнего сословия из-за отсутствия сколько-нибудь крупных капиталов смыкались, по существу, с сословием мещан. В городе имелись 10 лавок, 9 кузниц и питейный дом. Для богомольцев были построены гостиный дом, два деревянных флигеля, а внутри монастыря — гостиница и странноприимный дом. Жители города занимались в основном земледелием, мелкой торговлей...

ВОСКРЕСЕНСК В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В 1805 г. тщанием горожан в Воскресенске была построена новая каменная Вознесенская церковь взамен ветхой деревянной, построенной еще при Патриархе Никоне. В 1812 г. произошло вторжение наполеоновских войск, но горожане, создав отряды самообороны, воспрепятствовали французским мародерам проникнуть в город (те побывали совсем близко — в Кострове и Леонове).

Статус города почти не изменил внутреннего уклада жизни Воскресенска. На протяжении конца XVIII — середины XIX в. его жители занимались земледелием, огородничеством, хлебной торговлей и ремеслами. С начала XIX в. ремесленничество стало приходить в упадок, поскольку основные работы по строительству монастыря завершились. К 1849 г. в городе было 27 ремесленников-мастеров и 13 подмастерьев, в 1855 г. осталось 16

ремесленников. Изменились и виды ремесел, теперь они были связаны с потребностями жителей города. Стали преобладать кузнецы, портные и сапожники. В целом же Воскресенск оставался мещанско-купеческим городом, жизнь которого во многом зависела от притока богомольцев, стекавшихся сюда со всех концов России,

Все же статистические данные первой половины XIX в. свидетельствовали о медленном росте числа жителей и хозяйств в Воскресенске. По сведениям министерства внутренних дел, в 1829 г. здесь проживал 601 житель, имелось 88 деревянных домов, церковь, 10 лавок, трактир и 2 питейных дома. Фабрик, заводов и учебных заведений в городе не было. В 1842 г. — 92 деревянных дома, 616 жителей, среди них 8 духовных лиц, 20 дворян и чиновников, один купец первой гильдии и 72 купца третьей гильдии, мещан и посадских — 516 человек. (Здесь и ниже приводятся данные вместе с членами семей). Количество лавок увеличилось до 20, число питейных домов до четырех, появилась фабрика, в которой работало 30 человек. В 1852 г. в городе жили 901 человек, в том числе 18 лиц духовного звания, 14 дворян, два купца первой гильдии, четыре купца второй гильдии и 109 купцов третьей гильдии, мещан и посадских — 141 человек. В городе появился один каменный дом, деревянных было 118, лавок числилось 28, трактиров — 2, питейных домов — 4. Фабрика к этому времени уже не существовала. В 1848 г. в Воскресенске было открыто частное приходское училище в деревянном одноэтажном доме с мезонином, общей площадью 145 кв. м. В 1855 г. в нем учились 43 мальчика и 19 девочек.

В 1853 г., по данным военно-статистического описания Московской губернии, в Воскресенске числилось 103 дома. Все они были деревянными, одноэтажными и из них «немногие отличались от обыкновенных крестьянских изб, и то только несколько большими размерами». В городе находились 9 лавок, которые торговали хлебом, конской сбруей, «красным товаром» — бумажными платками, ситцами и пр., а также три питейных дома и одна штофная лавочка. Численность жителей к этому времени составляла 1079 человек (512 мужчин и 567 женщин). Как и прежде, основными городскими сословиями были мещане — 887 человек и купцы — 192 человека (вместе с членами семей). В гильдейском купечестве города состояло 12 человек, только один из купцов принадлежал к первой гильдии, остальные — к третьей.

«Отцами» города, который в середине XIX в. нередко называли Воскресенским посадом, в 1852 г. были: управляющий посадом — ротмистр Алексей Кириллович фон Штральборн, городской голова — купец Филипп Петрович Горячий, бургомистр — купец Александр Алексеевич Чудаков. В решении различных городских дел важную роль играли: письмоводитель управляющего посадом — губернский секретарь Василий Николаевич Любимов, секретарь ратуши — коллежский секретарь Иван Алексеевич Венценосцов и ратманы — мещане Петр Степанович Карелин и Иван Гаврилович Горячий. Из «особ», проживавших в Воскресенске, в известном справочнике Нистрема указаны трое: коллежские асессоры Иван Петрович Жеребцов, Сергей Егорович Мингалев и коллежский секретарь Афанасий Семенович Гусев.

Таким образом, во главе города стояли чиновники не выше 8-го класса табели о рангах. В городе находилась официальная квартира пристава второго участка Звенигородского уезда. Предводителем дворянства Звенигородского уезда в эти годы был действительный статский советник князь Михаил Федорович Голицын, который в молодые годы, во время службы в лейб-гвардии Конном полку был особенно дружен с корнетом этого полка, поэтом и будущим декабристом князем А. И. Одоевским. В связи с этим в 1825 г. князь Голицын подозревался в причастности к тайному обществу декабристов и содержался под арестом. В ходе следствия его признали невиновным и по приказу императора Николая I освободили «без всякого дальнейшего взыскания». По завершении военной службы он был сначала богородским, затем звенигородским (1848—1861) предводителем дворянства, а позже директором Голицынской глазной больницы в Москве.

К середине XIX в. город немного вырос в восточном направлении, а с этого времени стал расти быстрее. Надо иметь, однако, в виду, что органы статистики иногда включали в

городское население жителей слобод Макруши, Сычевки и д. Котельники. В 1859 г. в городе находился 121 дом и жили 2784 человека (1467 мужчин и 1317 женщин). В 1860 г. в городе было 2896 жителей, в том числе мещан — 2330, купцов — 388, ремесленников — 95, в Воскресенском монастыре жили 38 монахов. В 1863 г. город насчитывал 3093 жителя (1770 мужчин и 1323 женщины) и 187 жилых зданий, из которых лишь 2 были каменными. Число горожан, владевших домами и другим недвижимым имуществом, составляло 133 человека. Городу принадлежали 1046 десятин земли.

Таким образом, всего за десятилетие, с 1853 по 1863 г. численность населения Воскресенска увеличилась почти втрое (1079 человек в 1853 г. и 3093 человека в 1863 г.). Но среди 14 городов Московской губернии Воскресенск по количеству жителей занимал одно из последних мест. Еще меньшим в конце 1850-х гг. было число жителей в таких уездных городах Московской губернии, как Богородск — 1333 и Звенигород — 1720. Быстрый рост населения города продолжался, по крайней мере, до 1870 г., когда тут жили 5069 человек. К концу века население снова сильно убавилось.

Производственная деятельность Воскресенска середины XIX в. заключалась в работе ткацко-бумажной фабрики Чикина и двух небольших мебельных мастерских. Одна принадлежала купцу второй гильдии Н. Карелину и работала с 1852 г. Мастерская с 19 верстаками размещалась в отдельном деревянном одноэтажном доме размером 17 x 8,5 м. Число наемных рабочих составляло около 20 человек, среди них — три сына хозяина. Возрастной состав работавших — 17 взрослых, 3 подростка и 2 малолетних мальчика. Все рабочие имели расчетные книжки. Месячная зарплата составляла от 2 до 8 руб., выше всех ценилась работа резчика по дереву, который получал 11 руб.

Сколько продуктов питания можно было купить на такие деньги? Ценами по Воскресенску мы не располагаем, но есть данные по г. Рузе за 1864 г. Летом этого года на рынке ржаная мука стоила 3,4 коп. за кг, гречневая ядрица — 3,0 коп. за литр, говядина «из лучших мест» 17,5—20 коп. за кг, свежие огурцы 0,4 коп. за литр, черная смородина — 25 коп. за кг, малина садовая красная — 7—10 коп. за кг.

Ученики принимались на работу сроком на 5—6 лет с условием оплаты 6 руб. в год. Рабочий день начинался в 4 часа утра и продолжался до 8 часов вечера, перерыв летом — два часа, зимой — полчаса. По вечерам работали при свечах, вставленных в деревянные шандалы (подсвечники). Над каждым верстаком полагалось иметь по одному шандалу. Завтракали, обедали и ужинали за счет хозяина в кухне для рабочих, которая находилась в доме владельца мастерской, чай пить ходили в харчевню. Спали на своих верстаках в мастерской. Вторая мастерская располагалась в жилой избе и существовала с 1854 г. Принадлежала она мещанину Карелину, работали в ней 6 человек: 2 взрослых человека, 2 подростка 14—16 лет и 2 мальчика 10—13 лет. Условия работы, оплаты и кормления были теми же.

Из-за неразвитости фабрично-заводского производства, значительная часть населения города — более 25% — занималась отхожими промыслами. На заработки уходили в Москву и на фабрики Звенигородского уезда. В то же время в городе и уезде широко развивались разнообразные кустарные промыслы: столярно-мебельный, башмачный, сапожный, кузнечный, чулочный, портновский, плотницкий и другие.

Большой интерес представляет и тогдашняя топонимика окраин и окрестностей города. Помимо упомянутых выше новозаветных названий, данных еще Патриархом Никоном, существовали и многие другие. Некоторые были также связаны с монастырем. Это, например, Фаворское поле. Местность, называемая Саурово, занятая лесом, напоминала о бывшей д. Саурово (Аксаурово), существовавшей в середине XVII — начале XVIII в. Здесь же находились Сауровское поле и Сауровский овраг, занятые покосами.

Еще существовали покосные участки: Полдневище, Пушечная гора, Быко-Лурочище, Троицкие участки вблизи д. Качаброво, Головинский овраг («едучи Во Пятницкой дороге, от мостика по левую руку»), Коровий овраг («в Можу, едучи из Воскресенска по Клинской дороге по левой руке»). Пятницкая и Клинская дороги — очевидно, одно и то же. По

направлению к д. Качаброво и Санниково лежал Троицкий лес, названный так по Троицкому погосту. рядом с городом находилась Ближняя роща «под Венками» или просто Венки. Местность, занятую огородами обывателей, звали Капустником. Еще следует отметить на северной окраине города Лысую гору (небольшой лес, занятый наполовину кладбищем); немного не доходя до с. Никулина противоположный селу берег Истры образует уступ, известный под названием Бабы горы. Здесь же, близ Чикинской больницы, находился Больничный пруд.

В юго-западной части города, на подмываемом левом берегу р. Истры, нависала над обрывом Богданова дача. Идя на юг от станции Истра Звенигородским большаком, справа можно было видеть Недумову дачу. К 1930-м гг. от дачи осталась лишь группа деревьев. Это — место, где археологические раскопки Ново-Иерусалимского музея выявили захоронение (труположение), относящееся ко времени за 6 тысяч лет до нас.

Чикин луг получил свое название от имени Воскресенского жителя Андриана Дмитриевича Чикина, которому принадлежала вблизи города ткацко-бумажная фабрика, возникшая в 1857 г., с годовым оборотом более 50 000 руб. Но в 1869 г. по определению Московского коммерческого суда Чикин был объявлен несостоятельным должником, фабрика закрылась. Через несколько лет потомственная почетная гражданка Екатерина Ильинична Чикина уступила городу 13 десятин земли с полуразрушенными зданиями фабрики на предмет погашения долгов ее мужа.

Город по-прежнему привлекал к себе прежде всего богомольцев Нового Иерусалима. Но добраться даже из Москвы до Воскресенска было непросто. Использовались три пути: от станции Крюково Николаевской железной дороги (эта дорога была очень скверной) через Звенигород и по Волоколамскому тракту. Многие шли пешком, другие пользовались конным транспортом. Краевед конца XIX в. А. Ярцев писал:

«Кстати, тут же представится случай испытать на себе удобства передвижения в общественных экипажах допотопного типа. Я говорю о пресловутой линейке, с успехом поддерживающей дурную славу московских извозничьих экипажей. Линейка, совершающая рейсы в Волоколамск, по пути останавливается и в Воскресенске. <...> если вы и решитесь, для разнообразия и должного опыта, поехать в этом доморощенном дилижансе, то разочаруетесь Окончательно, когда вздумаете отправиться на московскую станцию этих экипажей. Роль станций, расположенных по Лесной улице, близ Тверской заставы, исполняют грязные постоянные двory. <...> Цена за проезд до Воскресенска колеблется от рубля до полутора <...> линейки выходят из Москвы к вечеру и приходят в Воскресенск поздно ночью, а это тоже неудобно, не говоря уже о том, что возницы — большие любители останавливаться у попутных кабаков...»

И с ночлегом для богомольцев было непросто: «Первый визит приходится, конечно, сделать в гостиницу, разделяющуюся на три здания, около самых монастырских ворот. В летние праздничные дни гостиница бывает набита битком до последней коморки, и тогда приходится искать приюта у обывателей Воскресенска. В маленьких домиках, расположенных на упирающейся в Монастырскую ограду улице, всегда можно найти помещение для ночлега и заботливую услужливость хозяйки. Есть на той же улице и частная гостиница, но из нижнего ее этажа несетя обыкновенно такой пьяный шум, что не захочется остановиться над этим пьяным содомом. Для богомольцев из простого народа и всех желающих около монастыря находится странноприимный дом...».

Но все неприятности забывались, когда путник вступал под своды Воскресенского собора. В XIX в. у южных врат в Воскресенский собор богомольцев встречала надпись:

«Всякая душа благочестивая, желающая пречудный храм Воскресения Христова, иже во Иерусалиме, видети и тамо в нем сущим святым местам поклонитися, но ради расстояния дальнего оногo дойти не могущая, созерцая семо, вшедши и разумей внутрь заключенных вещей душеполезную тайну, яже Спаситель твой тамо между неверными, здесь же среди благочестивых христиан в воспоминание Спасительных страстей, смерти и тридневного Воскресения в сем храме Ново-Иерусалимском представляет».

В монастыре находились прославленные святые и велась удивительная церковная служба, имевшая свои уникальные особенности, установленные еще Патриархом Никоном. Так, каждый воскресный день после литургии при часовне Гроба Господня служился торжественный канон с пасхальными песнопениями; по пятницам круглый год, кроме Великого поста и некоторых других дней, на Голгофе у Креста служился акафист Страстям Христовым. Таким образом, песнопения, которые обычно исполняются лишь незадолго до Пасхи и сразу после нее, здесь можно было услышать в течение года. Путешественники отмечали особую торжественность и благоговейность церковных служб в обители.

В монастыре хранилась часть мощей св. великомученицы Татианы (кисть правой руки с четырьмя перстами), принесенная в дар обители царевной Татьяной Михайловной в 1691 г.; чудотворная икона Божией Матери «Троеручица», присланная Патриарху Никону в 1663 г. с Афона; часть камня от Гроба Господня в Иерусалиме, вделанная в икону, изображавшую Спасителя во гробе, и другие святые.

В 1830 г. Новый Иерусалим посетил М. Ю. Лермонтов, оставивший вдохновенные строки о ските Патриарха Никона:

Оставленная пустынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол растреснувший молчит. <...>

Исследовательница творчества поэта, жительница Истры Л. Н. Шаталова обнаружила, что в черновой рукописи Лермонтова к этому стихотворению есть зашифрованные приписки: «В Воскресенске», «Написано на стенах (пустыни) жилища Никона», «1830 года».

В 1869 г. настоятелем обители стал переведенный из Константинополя архимандрит Леонид (в миру Лев Александрович Кавелин, 1822—1891), церковный историк. При нем стараниями уроженца Истринской земли Павла Григорьевича Цурикова весь обветшавший монастырь был обновлен, что обошлось крупнейшему благотворителю в сумму более 100 000 руб. Отец Леонид издал в 1876 г. капитальный труд «Историческое описание Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря» и начал создавать при обители музей, первыми экспонатами которого стали личные вещи Патриарха Никона, старинные книги и др. В 1877 г. о. Леонид был назначен заместителем Троице-Сергиевой лавры, которой управлял до своей кончины в 1891 г.

Как сообщали «Московские церковные ведомости» (1903. № 15—16. С. 201): апреля 1903 г., в первую субботу по Пасхе Новый Иерусалим посетили Император Николай II с супругой Александрой Федоровной, Великий князь Сергей Александрович и Великая княгиня Елизавета Федоровна с детьми Великого князя Павла Александровича — Великим князем Дмитрием Павловичем и Великой княжной Марией Павловной.

В 2 часа дня императорский поезд подошел к станции Новоиерусалимская. На станции царя от имени дворян Звенигородского уезда приветствовал уздний предводитель дворянства граф Павел Сергеевич Шереметев. Навстречу царственным гостям из монастырского собора вышла процессия: впереди певчие, потом иеродиакон с красными пасхальными свечами, цветами, далее иеромонахи и вслед за ними настоятель монастыря архимандрит Владимир. Певчие пели «Христос Воскресе». Приложившись ко кресту и приняв окропление святой водой, их Величества и Высочества прошли в собор.

В соборе рядом с кувуклией о. архимандрит совершил молебствие с провозглашением многолетия Царствующему Дому. По окончании службы гости прошли в кувуклию и спустились в пещеру с гробницей Спасителя.

Они приложились к особо чтимым монастырским святыням — чудотворным иконам Божией Матери «Иерусалимской» и «Троеручице», мощам св. Татианы, Камню помазания. Они посетили Голгофу и придел св. Иоанна Предтечи с гробницей Патриарха Никона, прошли лестницей под названием «Крестный путь» и побывали в подземном храме.

Особенно их внимание привлек придел св. Марии Магдалины с его богатейшей отделкой: алтарь придела был сделан целиком из чистого белого мрамора, колонны также мраморные,

капители бронзовые, позолоченные иконы писаны на меди... Высокие особы осмотрели ризницу и библиотеку, во дворце царицы Татьяны Михайловны пили чай. Посетили монастырский музей и Вифлеемскую церковь. Архимандрит Владимир преподнес Их Величествам «Описание монастыря» архимандрита Леонида (Кавелина) и альбом с видами обители.

При выходе гостей на монастырский двор ученики и ученицы школ г. Воскресенска исполнили «Спаси, Господи, люди Твоя». В 4 часа гости отбыли из монастыря и в 6 часов прибыли в Москву.

19 июля 1903 г. состоялось прославление в лике *святых преподобного* Серафима Саровского. Руководил подготовкой к торжеству архимандрит Серафим (Чичагов), в первую очередь способствовавший состоявшемуся прославлению написанием «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», которую он передал императору Николаю II. Вскоре, 14 февраля 1904 г., состоялось его назначение настоятелем Воскресенского монастыря. За год пребывания в Новом Иерусалиме архимандрит Серафим отреставрировал Воскресенский собор. В апреле 1905 г. он был рукоположен во епископа с назначением на Сухумскую кафедру, в 1920-х гг. возведен в сан митрополита. Претерпев многократные аресты, 11 декабря 1937 г. митрополит Серафим был расстрелян неподалеку от д. Бутово. 10 ноября 1988 г. он был реабилитирован, а в 1997 г. Православной Церковью прославлен в лике священномучеников, память 28 ноября/11 декабря.

Отметим, что в разное время Ново-Иерусалимским монастырем управляли замечательные христианские подвижники.

Единственным приходским храмом г. Воскресенска оставалась церковь Вознесения с приделами Покрова Пресвятой Богородицы и св. пророка Илии, построенная в 1805 г. Это было довольно скромное сооружение в стиле классицизма, с трехъярусной колокольной. Рядом находилось небольшое кладбище.

Долгое время этот храм, как и большинство приходских церквей той поры полностью не отапливался, «теплой» была только трапезная; собственно церковь с алтарем, или как тогда говорили, «настоящая», являлась «холодной». Вследствие этого храм был полностью открыт только в летнее время. Очевидно, как это и сейчас делается в некоторых сельских церквях, с наступлением осенних холодов, «настоящая» отделялась от остальной помещения высокой, до самого потолка, перегородкой. А службы шли в трапезной, в боковых приделах.

Однако трапезная Вознесенской церкви имела размеры всего лишь 6 х 6 сажен. Но к 1866 г. в приходе было уже: дворов 186, прихожан 822, прихожанок 878. Жители города считали, что для увеличения площади храма следует расширить трапезную. Им на помощь пришел благотворитель П. Г. Цуриков, предложивший иной план действий. В храме была установлена печь, и теперь он стал теплым круглый год. Храм также поновили изнутри и снаружи, работы закончили к 1876 г.

В начале XX в. вопрос о расширении храма вновь был поставлен, так как население города продолжало расти. На общем собрании прихожан 10 февраля 1908 г. было решено, чтобы, согласно плану, представленному архитектором Кузнецовым, была расширена только трапезная церковь (построением боковых приделов) и выстроена новая колокольня, а главный храм и особенно восточная его часть с алтарем оставлены без изменения; в западной, северной и южной стенах главного храма немного расширялись арки.

Храм и колокольня были перестроены в 1908—1912 гг. в стиле неоклассицизма. Помимо большого купола, у церкви появились 4 маленькие главки, и она стала очень похожей на храм Покрова на Нижней Красносельской улице в Москве (изуродован после 1917 г.).

«Но особенно хороши портики, до обманчивости передающие ампи́р столетия тому назад. Для уездных городов Московской губернии этот памятник в своем роде почти единственный», — писал знаток архитектуры А. И. Некрасов в 1928 г., в его книге можно видеть и крошечное фото измененного храма.

В 1934 г. церковь Вознесения была закрыта, в ней разместили мебельную артель. В 1941 г., во время наступления немцев на Истру церковь служила наблюдательным пунктом

командующего дивизией А. П. Белобородова. До наших дней церковь не дошла, теперь от нее не осталось и следа...

К концу XIX в. в Воскресенске действовали учреждения, свойственные заштатным городам России. Столь же характерным был сословный состав их руководителей. По данным канцелярии московского губернатора на 1890 г., Воскресенском руководила городская управа, во главе которой стоял городской голова купец Алексей Ильич Бутылин, Членами управы были почетный гражданин Иван Иванович Александровский и мещанин Сергей Александрович Чудаков. Секретарем и бухгалтером управы соответственно были — дворянин Георгий Адамович Новицкий и сын почетного гражданина Егор Иванович Александровский.

Аптекой Воскресенска заведовал аптекарский помощник Владислав Эдуардович Радванский. Благотворительное учреждение — богадельня находилась в ведении монастыря. Ссудная касса в городе принадлежала купцу Хаиму Уйноховичу Кленеру.

Воскресенск и Павловская Слобода были местом расквартирования управления 6-й батареей 3-й артиллерийской бригады, которой командовал в 1890 г. генерал-майор Михаил Иванович Пивоваров. Одним из центров культурной жизни Воскресенска стал дом командира артиллерийской батареи полковника Б. И. Маевского. Быт семьи Маевского послужил материалом для пьесы Чехова «Три сестры»; дети Маевского, с которыми сдружился Чехов, описаны им в рассказе «Детвора».

Общественный порядок в городе обеспечивали 5 городских во главе с начальником — полицейским надзирателем титулярным советником Николаем Никоновичем Яковлевым. Каждый городской был вооружен шашкой и револьвером. Пожарная команда Воскресенска состояла из 3 пожарных и 3 лошадей, с упряжью и обозом.

Управление на местах осуществлялось через сотских — выборных крестьян, которые выполняли различные общественные и полицейские обязанности.

Во втором стане Звенигородского уезда, в который входил г. Воскресенск, сотские находились в 12 селениях: Бакеево, Берендеево, Бужарово, Давыдково, Еремеево, Ивановское, Лешково, Павловская Слобода, Поварово, Скокове Сычевка и Ябедино.

По Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Воскресенске жили 2289 человек (1100 мужчин и 1189 женщин), из них 201 человек были «не местными уроженцами по месту рождения».

Среди них из европейской части России приехало в город 246 человек (160 мужчин и 86 женщин), из «Привисленских губерний», то есть из Прибалтийских губерний — 4 человека, с Кавказа — 2 человека, не указали места своего рождения 9 человек. Семейное положение жителей города: «холостых и девиц» было 1207 человек (602 мужчины и 605 женщин), состояли в браке 852 человека (447 мужчин и 405 женщин), вдовых было 224 человека (49 мужчин и 175 женщин), разведенных — 4 человека.

По численности населения Воскресенск стоял в одном ряду с такими уездными городами Московской губернии, как Звенигород (2381 человек) и Руза (2349 человек). Процент городского населения в Звенигородском уезде, где все население составляло 84 375 человек, был равен 5,53%.

Национальный состав жителей Воскресенска был весьма однороден. «Великорусы, мало- и белорусы» составляли абсолютное большинство жителей — 2283 (99,73%). В *городе* жили два немца и один поляк. Только 10 человек считали для себя родным не русский язык. 2 человека — немецкий и по 1 человеку — польский, литовский, финский и чувашский.

Столь же однородным был и вероисповедальный состав населения города. Православных с единоверцами числилось 2284 человека. К римско-католическому вероисповеданию относились 2 человека, протестантов было трое.

Сословный состав Воскресенска выглядел так: 1062 мещан, 1045 крестьян, 51 потомственных и личных дворян, 39 купцов и 20 человек духовного сословия. Вне рамок этого деления остались два иностранных подданных и 70 «остальных».

Только половина населения (50,9%) была грамотной. Наиболее высокий процент

грамотности был у дворян и духовенства, однако и среди них встречались неграмотные. Так, среди дворян было 8 неграмотных (4 мужчины и 4 женщины), среди лиц духовного сословия — 3 неграмотных (1 мужчина и 3 женщины). Значительным был процент неграмотных среди почетных граждан, купцов, мещан и других городских сословий. Здесь неграмотных было 607 человек (54%). Более всего неграмотных было среди «лиц сельского состояния» — 683 человека (65%).

В городе числились 435 хозяйств, в 64 из них применялся труд наемных работников. Жители Воскресенска имели самые различные «самостоятельные занятия». Наиболее распространенным было земледелие, им занимались 499 человек (здесь и далее число лиц, занятых в той или иной области деятельности, приводим вместе с численностью членов их семей).

Далее шли частная служба, поденный труд и работа прислугой — 196 человек. На доходы с капиталов и недвижимого имущества, средства родителей и родственников жили 188 человек. Изготовлением одежды занимались 130 человек. В трактирах, гостиницах и меблированных комнатах работали 123 человека. Обработкой металлов занимались 104 человека, строительными и ремонтными работами — 88 человек, торговлей продуктами сельского хозяйства — 87 человек. На «средства от казны, общественных учреждений и частных лиц» существовали 80 человек. «Обработкой растительных и животных питательных продуктов» занималось 74 человека. В «богослужении православного вероисповедания» были заняты 58 человек.

В 1908 г. возник драматический коллектив Воскресенска, состоявший из учителей и служащих. Постоянного помещения театр не имел, репетиции проводились на квартирах участников спектаклей либо за плату в доме торговца Судакова, но уже в первый год был показан спектакль — пьеса А. Островского «Бедность не порок».

К началу XX в. город оставался тихим и непромышленным, но с прокладкой Московско-Виндавской железной дороги ситуация резко изменилась. Сразу стала сказываться близость Воскресенска к Первопрестольной. Менялся и облик города. В 1911 г. в Воскресенске стояло 358 жилых строений, из них каменных — 19, каменно-деревянных — 33, деревянных — 300, крытых железом — 246, крытых деревом и толем — 112. В городе было 15 улиц и переулков, 2 обсаженных деревьями улицы и 2 площади. Улицы освещались 103 фонарями. Центром Воскресенска оставалась Торговая площадь. Здесь стояли здания Городской думы, мужского начального училища, торговых рядов. В праздники на площади устраивали ярмарки. В 1889 г. на торговой площади была построена каменная часовня в память о событии 17 октября 1888 г. — чудесном спасении царской семьи от гибели в железнодорожной катастрофе у станции Борки. В советское время из часовни устроили каланчу. Фото часовни-каланчи можно видеть в газете «Голос Дедовки», № 7 за 1929 г. Позже ее разрушили. Через Торговую площадь проходили уже не 2 улицы, а 5 — 1-я Клинская, 2-я Клинская (возникла в конце 1870-х гг.), Чеховская, Никитская и Огородная. Последние две улицы до нас не дошли. Все пять улиц пересекали Чеховский, Почтовый и Елеонский переулки. Главными же улицами города считались: Дворянская (сейчас Советская) и Большая Крестовская (сейчас Первомайская). Дворянская улица начиналась от Святых ворот Ново-Иерусалимского монастыря, на ней строились дворяне. Здесь находилась усадьба вдовы известного благотворителя, А. С. Цуриковой. В середине XIX в. у входа в монастырь были построены каменные здания гостиницы, странноприимного дома и церковно-приходской школы, дошедшие до нас.

Большая Крестовская ул. получила имя от Крестовой (Елеонской) часовни на горе Елеон, она соединяла Дворянскую улицу с Торговой площадью. На ней стояли церковь Вознесения и женское начальное училище, где в начале 1880-х гг. работал Иван Павлович Чехов, брат писателя. Эти здания были разрушены в войну. Сейчас на их месте завод «Углемаш» и Дом культуры.

За Вознесенской церковью находилась Вознесенская ул., от нее к реке шел Вознесенский переулоч. Была ул. Садовая, ныне ул. Морозова. Часть нынешней ул. Ленина, что от

площади до платформы Истра, называлась Звенигородской улицей. Еще были улицы: Московская (ныне ул. 15 лет Комсомола), Волоколамская, Нагорная, Пушечная (иначе Пушечная Гора). В городе находились: 4 низших учебных заведения, 2 библиотеки, больница, аптека, 2 пожарных команды, работали несколько ресторанов, трактиров, харчевен, закусочных и чайных лавок, четыре пивных и две казенных винных лавки. Для приезжих было построено три постоянных двора, семь гостиниц и номеров. В 1902 г. город насчитывал лишь 9 домовладельцев, чья недвижимость оценивалась в 2000 руб. и более, а в 1906 г. — уже 17. К 1916 г. эта цифра не изменилась, но появились очень богатые хозяева. Так, купец Петр Иванович Бородин содержал трактир, оцениваемый в 28 000 руб., купец Михаил Иванович Зиновьев — трактир стоимостью 10 873 руб. Но самым дорогостоящим предприятием была шелкомотальная и крутильная фабрика жителя г. Шуши Давида Сергеевича Нерсесова (39 660 руб.) — единственная фабрика города. Она была построена в 1908 г. на берегу р. Истры, работали на ней преимущественно женщины (в 1916 г. — 85 работниц). Других промышленных предприятий в городе не было, не считая мебельных мастерских.

В революцию 1905 г. каких-либо митингов в городе и окрестностях не отмечено, однако общая накаленная атмосфера российской жизни не способствовала общественному порядку. В 1903 г. в с-це Кутузове подвергся нападению крестьянина с пистолетом и был ранен земский начальник А. И. Бобст, поводом явилась задержка с выдачей паспорта. В 1905 г. в с. Ламишине был сожжен дом помещика, почетного гражданина В. И. Боева, который жил тут уже более 30 лет и ранее, видимо, ладил с крестьянами.

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ЗАКРЫТИЕ МОНАСТЫРЯ. НЭП. 1930-е гг.

В царской России к началу XX в. накопилось много нерешенных задач. Все же казалось, что жизнь налаживается и постепенными трудами ее можно сделать еще более сносной. Но российское «образованное общество пошло по другому пути. Оно решило, что лучше разрушить государственное здание (точнее, те основы, на которых оно стояло) и построить новое. И само же позже пострадало. Ведь в результате таких настроений к власти пришло наиболее радикальное крыло, которое для достижения своих целей не останавливалось перед самыми крайними мерами.

Падение монархии в России, Февральская и Октябрьская революции не были отмечены в крае, как и во многих провинциальных уездах страны, какими-либо особыми событиями. Смена власти произошла здесь мирным путем. 1 ноября 1917 г. решением Звенигородского революционного комитета в Воскресенске была установлена советская власть. Решение это было подкреплено прибытием в город рабочих отрядов с Дедовской мануфактуры и фабрики Попова, а также солдат 195-го запасного пехотного полка из Павловской Слободы. Городом стал руководить ревком из трех человек. Значительную роль в установлении советской власти в Звенигородском уезде сыграли Я. П. Морозов, Н. В. Рябкин, А. П. Шнырев и А. П. Щеголев. В 1924 г. их именами были названы четыре улицы Воскресенска.

двор монастыря взят местным [земотделом] со всем инвентарем. Все имущество и драгоценности взяты по описи на учет, списки отосланы в уездный совдеп и оставлены впредь до распоряжения из центра. Монахи назначаются на работы, как и все буржуи, а также и зарегистрированы. Случаев снятия с себя священного сана не было»*. Каким-либо юридическим актом, обосновавшим закрытие монастырей и церквей, большевиками издано не было. Поэтому они стремились спровоцировать верующих на выступления и, определив эти действия как «контрреволюционные», использовать их как предлог для закрытия. Вторая разновидность подобных предлогов — «церковь грозит падением», церковь нужна под клуб», «мешает расширению улицы» — употреблялась в основном позже, с конца 1920-х гг.

Звенигородский уездный съезд Советов вынес постановление от 29 июня 1919 г. о «выселении в течение месяца всего монашеского населения из всех монастырей Звенигородского уезда» — Саввино-Сторожевского в Звенигороде, Борисо-Глебского в

Аносине и Ново-Иерусалимского. Поводом для постановления явились волнения в Звенигороде в марте 1919 г.

Была развернута кампания по открытию святых мощей якобы с целью «разоблачения религиозного обмана». Такое надругательство было совершено и в Саввино-Сторожевском монастыре, где под руководством прибывшего из Москвы эксперта VIII отдела Народного комиссариата юстиции И. А. Шпицберга была открыта рака с мощами преп. Саввы Сторожевского, глубоко почитаемого верующими. Это вызвало сильный протест местных жителей и богомольцев. Тотчас Звенигородский съезд депутатов постановил закрыть все монастыри в уезде. Когда слухи о закрытии Ново-Иерусалимской обители достигли Воскресенска, к ней стали стекаться православные. 7 июля в присутствии местных властей произошло бурное собрание. Настроение защитников монастыря было настолько решительным, что власти заверили собравшихся: слухи о закрытии ложны, распускаются темными людьми и являются контрреволюционными.

Заверения властей успокоили защитников обители, и после второго, более мирного собрания 12 июля, на котором было решено материально обеспечивать обитель за счет верующих, народ покинул монастырь. Тогда местные власти вызвали из Звенигорода отряд вооруженных красноармейцев и с их помощью в ночь на 14 июля (этот день считается официальной датой национализации) захватили монастырь, расставив там караулы, а монахов арестовали как заложников, чтобы угрозой физической расправы над ними заставить верующих отказаться от противодействия закрытию обители. К этому времени там находилось около 15 монахов, а настоятель — епископ Палладий — был болен сыпным тифом и не вставал с постели.

Для расследования происшедших «беспорядков» в Воскресенск прибыл следователь Г. И. Соколов. Он не нашел контрреволюционных намерений в действиях защитников монастыря и выпустил на свободу большую часть монахов. Навестив помещенного в земскую больницу епископа Палладия, он заявил, что епископ может считать себя свободным и что он, Соколов, сомневается в законности закрытия монастыря.

Это не устроило местных большевиков. Партийный районный комитет во главе с В. В. Бауманом обратился в VIII отдел Наркомюста с просьбой прислать другого следователя — эксперта И. А. Шпицберга, производившего открытие мощей преп. Саввы Сторожевского. Шпицберг прибыл в Воскресенск 15 августа и в тот же день допросил более 10 человек. В результате давления на подследственных ему удалось узнать фамилии приехавших в монастырь людей, близких к Святейшему Патриарху Тихону, и монахов, общавшихся с ними, выявить членов Братства ревнителей Православия и собрать сведения на епископа Сарапульского Палладия (Добронравова), суд над которым вскоре состоялся в Москве.

Наиболее «опасные» монахи были отправлены в Звенигородскую тюрьму, а их дела переданы в Московский трибунал. Остальных монахов временно поместили в богадельню, устроенную в настоятельских покоях. Закрытие Ново-Иерусалимского монастыря завершилось 11 ноября 1919 г., когда Звенигородский Совдеп вынес постановление о полном выселении монахов с территории монастыря и снятии их с довольствия.

Борьба с Церковью велась в городе и позже. В этой связи характерен слух, прошедший в 1924 г. по городу и окрестностям: служил один коммунист начальником в исполкоме Воскресенска, и дали ему подписать «бумажку» о сломе Елеонской часовни. Только хотел он руку поднять, а рука-то и отнялась. Отвезли коммуниста в больницу, а он там и умер. Газета «Воскресенские известия» (1924. № 31) решительно заявила: это неправда, коммунист жив. Но и часовню тогда не снесли: в 1934 г. она еще стояла.

К самым первым акциям новой власти относилось также создание городской милиции и обложение контрибуцией местных купцов. Уже в 1917 г. был основан детский дом им. К. Маркса, разместившийся на Советской улице (60 воспитанников в 1924 г.). Другой детский дом — им. Коллонтай — разместился в 1918 г. в усадьбе монастыря (52 воспитанника в 1924 г.).

В начале 1921 г. президиум Моссовета принял решение о создании самостоятельного

Воскресенского уезда. Формирование уезда проходило в два этапа. С 14 января 1921 г. в его состав вошли Еремеевская, Лучинская, Павловская и Пятницкая волости Звенигородского уезда, с 9 марта этого же года — Мамошинская, Никольская и Новопетровская волости Рузского уезда. В мае 1923 г. президиум ВЦИК утвердил самостоятельное существование Воскресенского уезда.

Город стал центром уезда, состоявшим из 7 волостей, 323 населенных пунктов и с населением около 77 тыс. человек. По воспоминаниям современников, Воскресенск в эти годы все еще «напоминал не город, а большое село. В обычные дни улицы выглядели безлюдными. Встречались лишь одинокие прохожие. Дома в большинстве были одноэтажными».

К 1924 г. в Воскресенске сформировались основные органы городского и уездного управления. В состав Уездного исполнительного комитета входили 6 структур: секретариат президиума, общий отдел, уездное земельное управление, уездное управление милиции, уездный финансовый отдел и информационно-статистическое бюро. Общий отдел ведал канцелярией и финансово-материальной частью, сюда же входили отделы и подотделы народного образования, здравоохранения, коммунального хозяйства и социального обеспечения.

В земельном управлении занимались вопросами землеустройства, агрономии, ветеринарии и инспекцией лесов. В составе управления милиции находились уголовно-следственная часть и стол записи актов гражданского состояния, управление также осуществляло руководство городскими и волостными милицейскими участками. Финансовый отдел имел в своем составе сметно-бюджетную часть и часть налоговых и неналоговых доходов. Все эти органы управления находились на площади Революции в зданиях Дома Советов и бывшей земской управы.

Уездный военный комиссариат, имевший в своем составе мобилизационный отдел и ЧОН (часть особого назначения — военно-партийный отряд по борьбе с контрреволюцией), располагался в бывшем доме купца Звягина на улице Володарского. Уполномоченный Московского губернского отдела ГПУ — Государственного политического управления при НКВД РСФСР — находился в бывшем доме другого Воскресенского купца — Зорина. В городе также находились учреждения прокуратуры и суда: камера помощника губернского прокурора, народный суд, коллегия защитников, уездный судебный исполнитель и нотариальная контора.

Уездный комитет РКП(б), состоявший из организационного, агитационного и женотделов, занимал один из домов на улице Ленина. Уком имел в городе три ячейки: городскую, производственную на шелкомотальной фабрике и милиционную на станции Новоиерусалимской.

Работники всех основных учреждений и производств города и уезда были объединены в профессиональные организации: текстильщиков (3035 человек), органов просвещения (692 человека), металлистов (575 человек), совработников (373 человека), медицинских сотрудников (308 человек), строителей, пицеевиков, связистов, печатников и др.

В 1924 г. в Воскресенске числились 483 хозяйства (домовладения), из них безземельных — 381. В городе жили 2530 человек (1152 мужчины и 1378 женщин). Население имело 101 рабочую лошадь, 204 коровы и 254 десятины земли, из которых 156 десятин использовались под пашню, 38 — под сенокос и 60 десятин находилось под усадьбами. В городе имелись: больница на 65 коек, которую обслуживали четыре врача, почтово-телеграфная контора со сберегательной кассой (в бывшем доме Муравьева на улице Урицкого), телефонная станция, типография, Дом крестьянина, общество потребителей, сельскохозяйственное кредитное товарищество, агрономический пункт, ветеринарная лечебница. 8 ноября 1923 г. в торжественной обстановке состоялось открытие местного отделения Мосгорбанка.

В эти годы активно формировались фонды Воскресенской городской библиотеки имени А. П. Чехова, в основном за счет книг, конфискованных в помещичьих имениях. К 1926 г. библиотека имела около 14 тыс. книг. В городском театре ставились пьесы по произведениям

А. П. Чехова, А. Н. Островского, Н. В. Гоголя и А. М. Горького.

Как и до революции, в городе почти отсутствовали промышленные предприятия. Из-за отсутствия сырья, которое поставлялось из Средней Азии и с Кавказа, шелкомотальная фабрика простаивала с 1917 г. и возобновила работу в 1922 г. Газета «Истринские вести» (1993. № 24) писала: «А работать на фабрике было тогда нелегко. Ручной труд, керосиновое освещение, крутой кипяток, зловонный воздух. Потому [и] производили всего 32 кг шелковых нитей за смену». В 1922 г. здесь трудились 68 рабочих и 8 служащих, в год причиталось зарплаты: рабочим — 232 396 руб., служащим — 87 916 руб. К 1924 г. численность работников фабрики возросла до 138 рабочих и 12 служащих. Численность работников остальных предприятий не превышала трех десятков человек: типография и переплетная мастерская (17 человек), электростанция (8 человек), паровая и электрическая мукомольные мельницы (5 человек).

Ремесла и кустарные промыслы также были развиты слабо, ими занимались в 49 хозяйствах города. Наиболее распространенными ремеслами были сапожное (12 хозяйств) и портняжное (9 хозяйств). В остальных хозяйствах работали столяры, кузнецы, чулочницы, слесари, скорняки... С середины 1920-х гг. начали образовываться городские промысловые артели, наиболее крупными из них стали «Металлист», «Истринский трикотажник» и обувная артель «Рабочий».

В целом в промышленности и кустарном производстве была занята приблизительно одна десятая часть населения города. Аналогичным было соотношение числа рабочих и в целом по уезду — 9,2%. Воскресенский уезд, как и в прошлые годы, сохранял свое сельскохозяйственное направление.

В 1920 г. в стенах монастыря обосновался историко-краеведческий музей. На монастырских воротах укрепили доску, сохранившуюся в экспозиции музея до сих пор. Текст на ней гласит: «Великая русская революция передала Ново-Иерусалимский монастырь и собор народу. Отныне, перестав служить делам культа, он является художественно-историческим памятником всероссийского значения».

Продовольственные запасы, хранившиеся в монастыре, были переданы детскому дому, созданному недалеко от так называемой «красной гостиницы», где размещался Совет (ныне дом № 5 по Советской улице).

Заведующей музеем стала местный педагог П. К. Разумовская, ей в помощницы назначили инспектора Уездного отдела народного образования О. А. Живову. В музее начала трудиться Евгения Степановна Радченко, чье имя знакомо всякому образованному истринцу. Ни становиться краеведом, ни жить в Воскресенске она первоначально не предполагала. После революции закончила курс «исторических наук», стала работником профсоюза. Стечение обстоятельств привело ее с мужем Н. Шнеерсоном в Воскресенск, и они стали работать в уездном исполкоме. Она вспоминала: «Мне поручили организовать работу по изучению современности Воскресенского уезда. В первую очередь производили обследование уезда в сельскохозяйственном отношении (данные о рабочей силе, земле и посевах в населенных пунктах). Телефонная связь была тогда лишь с волостными центрами, транспортом исполком не располагал. Поэтому ходили пешком по всему уезду. На оплату этого труда было выделено несколько мешков соли».

В сентябре 1921 г. мы получили ценные сведения, характеризующие состояние сельского хозяйства края. Демонстрацию результатов обследования приурочили к уездной сельхозвыставке... Мы были счастливы: выставка оказалась нужной, получила всеобщее одобрение... И тогда исполком постановил передать помещение монастыря музею местного края. Переселились мы в Воскресенский монастырь в ноябре 1921 г. В апреле 1922 г. музей получил статус художественно-исторического».

В первой половине 1930-х гг. была вскрыта гробница Патриарха Никона. Приезжала комиссия из Москвы, но в нее были приглашены и местные, в частности присутствовал сотрудник истринской милиции (дядя и ныне живущей в Истре Раисы Ивановны Шорец, тогда бывшей девочкой-подростком). Происшедшее вскрытие произвело на него столь

сильное впечатление, что он сразу после этого пришел к своему брату (который по своей должности должен был бы участвовать в комиссии, но выехал по делам) и рассказал, что присутствовал при вскрытии гробницы Патриарха Никона, что долго не могли снять верхнюю плиту, подводили ваги, а когда все-таки открыли гробницу, то больше всего его поразило, что все было абсолютно цело и Патриарх лежал как живой, особенно запомнилось лицо. Потом стали снимать облачения, а когда стали братья за нижнее, то все рассыпалось в прах. Так запомнила этот рассказ его племянница, присутствовавшая при разговоре. Эмоциональное впечатление было настолько сильным, что рассказ этот врезался в ее память на всю жизнь.

По воспоминаниям Н. А. Игнатовой, приведенным в книге Г. М. Зеленской «Святые Нового Иерусалима» (С. 277), над останками Святейшего было совершено надругательство - отчленили голову. До войны художница Анна Ивановна Рукина, занимавшаяся исследованиями о Патриархе Никоне, была крайне заинтересована черепом в экспозиции музея, привлечшим ее внимание своеобразием строения, на ее пристальный и профессиональный взгляд художника, это мог быть череп только Патриарха Никона. Насколько нам известно, она занималась разработкой этой гипотезы, неоднократно была в мастерской Грабаря. Но после войны этот череп не был найден.

В 1985 г. архитектор треста «Мособлстройреставрация» и ведущий архитектор реставрационных работ на ските Патриарха Никона Марина Юрьевна Горячева в музее архитектуры им. Щусева обратила внимание на снимок в папке уникальных фотографий - это было вскрытое захоронение. По особенностям кирпичного свода над захоронением, фрагмент которого все еще сохранялся над захоронением Патриарха в Ново-Иерусалимском монастыре, она атрибутировала фотографию, как вскрытую гробницу Патриарха Никона. В Ново-Иерусалимском музее специалисты нашли на этой фотографии другие подтверждения правильности атрибутировки, так был обретен бесценный исторический документ...

В 1930-е гг. стал утверждаться взгляд на православные храмы лишь как на памятники архитектуры, но велика заслуга работников Истринского музея в их изучении. Другим направлением деятельности музея были археологические раскопки (руководитель работ К. Я. Виноградов). Изучались кустарные промыслы, особенно д. Максимовка — гнездо Воскресенских гончаров. Музейщики просиживали целыми днями в мастерских, наблюдая и записывая процесс сказочного рождения из кома глины большой корчаги или причудливого кувшина для масла.

Жилищное строительство в Воскресенске в 20-е гг. велось по линии кооперации. Организованное в 1926 г. товарищество «Смычка» в течение года выстроило в городе 5 одноэтажных и один двухэтажный дом.

Город постепенно благоустраивался. Горсовет отпускал средства на ремонт зданий, в 1926 г. началась постройка канализационной сети и водопровода, который в 1928 г. насчитывал 5,2 км. В 1926 г. была открыта городская насосная станция. Проводились работы по освещению домов и улиц. В 1927—1928 гг. к электросети в Воскресенске было подсоединено 675 домов, в то время как в Верее — 50, а в Рузе — 200 домов.

В 1929 г. была образована Московская область, Воскресенский уезд стал районом и был уменьшен в размерах. В него полностью вошли Павловская, Лучинская, почти полностью Еремеевская волости, а также часть Никольской и Пятницкой волостей. В районе (916 кв. км) находилось 264 населенных пункта, два поселка городского типа. Западные части бывшего Воскресенского уезда отошли к Новопетровскому району.

К этому времени в Подмосковье возник второй город Воскресенск — бывшее с. Воскресенское близ Коломны. Этот центр добывающей промышленности стал также претендовать на роль районного центра. В 1929 г. было выдвинуто предложение переименовать Воскресенск на р. Истре в Держинск. Но в ноябре 1930 г. Президиум ВЦИК в ответ на ходатайство президиума Воскресенского районного исполкома постановил переименовать Воскресенск в г. Истру.

В деревню в конце 1920-х гг. пришла коллективизация. Первые колхозы были

небольшими, они объединяли 1 — 2 деревни. В начале колхозного движения стремились по сильнее оторвать народ от «проклятого прошлого». Следовало «раскрепостить» женщину — от детей и от кухни — чтобы все свои силы она отдавала общественному благу. Для этого детей ранним утром отдавали в ясли или сад при колхозе, и мать забирала их поздним вечером, а завтракали, обедали и ужинали исключительно в столовой. Такой распорядок установили, например, в колхозе «Аносино», занявшем помещения бывшего монастыря. Также была сделана установка на довольствие самым скромным бытом. Сразу же проявились отклонения от задуманной схемы: так, колхозники из-за скудности питания были вынуждены подкупать продукты на стороне.

Самое страшное заключалось в том, что коллективизация сопровождалась гонением на Церковь, на веру, поддерживавшую народ столетиями. В 1928 — начале 1930 г. была сделана попытка закрыть большинство церквей. Она тогда не удалась. Например, церковь в Садках верующие отстояли, она снова открылась. По всей стране устраивались безбожные карнавалы, публичные сожжения икон.

В начале 1930 г. прозвучала знаменитая статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов». Срочное создание колхозов было признано ошибкой, местные партийные организации стремились исправить курс в соответствии с руководящими установками. Подводя итог начальному периоду коллективизации района, газета «Голос Дедовки» (1930. № 22) писала: «Воскресенская парторганизация имеет немало достижений в области развития всего хозяйства Воскресенского района. <...> Перевод Дедовской и Октябрьской фабрик на 7-часовой рабочий день, введение непрерывной рабочей недели, постройка нового кирпичного завода Снегири. Сельское хозяйство ушло вперед по пути коллективизации. Немало успехов имеется у организации в борьбе на два фронта, в борьбе с остатками троцкизма, в особенности на Дедовской фабрике. Воскресенская организация закалилась в этой борьбе.

Имеются в организации недостатки в работе, в особенности в области коллективизации, были перегибы при проведении, неправильная установка Райкома в коллективизации на 100 проц. к весне 1930 г. и нарушение принципа добровольности в организации колхозов. Организация колхоза «Гигант» без учета реальных возможностей. Все эти недостатки районная партконференция должна отметить с большевистской настойчивостью, дабы избежать в дальнейшем ошибок...».

На самом высоком уровне было заявлено, что борьбу с религией подменили борьбой с церквями. Тема закрытия храмов с 1931 — 1932 гг. почти исчезла со страниц газет. А журнал «Деревенский безбожник» перешел на темы индустриализации. Но гонение на веру продолжалось — более скрытно.

В 1930-е гг. на Истринской земле произошел еще ряд важных событий, как бы подчеркивавших, что возврата к дореволюционному строю не будет.

Воскресенский уезд превратился в район, разделившийся на два: Воскресенский и Новопетровский. В 1930 г. г. Воскресенск был переименован в Истру. В 1931 г. приступили к созданию Истринского водохранилища, вначале мыслимого как часть грандиозного канала Москва — Волга (в 2 раза длиннее теперешнего), но в конечном итоге ставшего резервуаром водоснабжения Москвы.

В 1930-е гг. город был уже в значительной степени благоустроен, оставаясь по преимуществу застроенным частными домиками. Было замощено большинство главных улиц, но некоторые, например, ул. Щеголева, еще оставались без покрытия. Большинство жителей работали в Москве или рядом с Москвой.

Центром города осталась бывшая Торговая площадь, переименованная в честь Революции. Половина ее была занята молодым сквером вокруг памятника Марксу. В угловом доме помещался районный исполком, рядом с ним — сберкасса, отделение Госбанка. Через площадь — Дом колхозника, а через квартал от него влево — почта, телеграф и радиоузел.

Здесь же на площади размещались все торговые и большинство промышленных предприятий города: обувная артель «Рабочий», слесарная «Истринский металлист», артель

«Швейник*», электростанция, магазины и столовая. Восточный конец площади замыкался колхозным базаром, работавшим по субботам. А западный — пожарной каланчой, сооруженной на бывшей часовне.

Значительную часть зданий г. Истры по-прежнему составляли бывшие монастырские и церковные постройки. К ним относилась церковно-приходская школа, обращенная в городской детский сад; в память о Чехове, жившем здесь у своего брата — учителя, на доме была установлена мемориальная доска. В доме на Советской улице, до революции принадлежавшем богатому купцу, открыли ясли им. Клары Цеткин. Другой дом на той же улице — так называемые номера (гостиница) — стал типографией. Здания райисполкома на площади Революции и райкома ВКП(б) были также расположены в бывших «номерах».

В Истре действовал городской театр, переделанный из кинозала, выстроенного незадолго до революции. Фасадом это здание выходило на улицу Володарского. По Первомайской улице на правой стороне находился своеобразный дом: каменный полуподвал, на нем деревянный просторный 1-й этаж и сверху еще мезонин. Дом построил в свое время монастырь, теперь же его заняла артель инвалидов.

В 30-е гг. в производственно-экономической базе Истры произошли некоторые изменения. В 1933 г. была закрыта шелкомотальная фабрика. В этом же году была создана фабрика комбината «Москов-ширпотреб», на которой шили фетровые и кожаные туфли, галстуки, блузки и пр. В 1934 г. на ее основе организовали швейную фабрику, перешедшую на выпуск крахмальных воротничков. В 1938 г. на ней работали 767 человек, в основном женщины. Фабрика расположилась в корпусах бывшего шелкомотального предприятия.

Развивались городские промысловые артели, созданные в середине 20-х гг. Среди них наиболее крупными были «Металлист», «Истринский трикотажник» и обувная артель «Рабочий».

В городе сосредоточивались партийные, советские, организационно-хозяйственные городские и районные учреждения, проводились конференции, совещания, слеты, сельскохозяйственные выставки, смотры. Истра становилась центром культурно-бытовой жизни района. С конца 1930 г. начала регулярно выходить районная газета «Истринская стройка». В 1935 г. Истринский краевой историко-художественный музей был преобразован в Московский областной краеведческий музей. В Истре открылся кинотеатр. Город был радиофицирован, радиоузел Истры в 1938 г. обслуживал 815 точек. Телефонная станция была рассчитана на 200 номеров. Значительно расширилась городская больница, в ней работало 15 врачей и пять акушерок.

В начале 1930-х гг. в черту Истры вошли территории шелкомотальной фабрики, усадьбы Чикина, где располагалась больница. Население города в 1936 г. достигло 7,7 тыс. человек, по сравнению с 1926 г. оно увеличилось почти вдвое. Часть жителей составили крестьяне из затопленных Истринским водохранилищем деревень: Горок, Кутузова и других. Многие переезжали в город вместе со срубами своих изб и ставили их тут на отведенном месте.

Истра являлась в те годы одним из красивейших подмосковных городов. Обилие зелени, холмистые, поросшие лесами берега рек, чистый воздух, здоровый климат, архитектурные памятники — все это привлекало множество отдыхающих и туристов.

Коренные жители помнят предвоенную Истру тихим, чистым и зеленым городом, который летом утопал в разливах сирени. «Асфальт — на одной улице: от станции до площади, — вспоминал Валерий Николаевич Жуков. — С востока по Волоколамскому шоссе вплотную к городу примыкает деревня Макруша, угодня колхоза "Новый путь"... А через весь город, с юга на север, огромные березы: в три-четыре обхвата. В мощных ветвях с весны громоздятся грачи. Березы в народе слывут "екатерининскими". Молва утверждает — посажены к приезду императрицы Екатерины Великой».

В городе поселялись не только простые трудящиеся, но и творческая интеллигенция. На собственной даче (ул. Кооперативная) жил писатель Александр Игнатьевич Тарасов-Родионов, павший жертвой репрессий в 1938 г., один из организаторов Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП); он писал о революции и советской жизни. В

опустевшей после его ареста даче поселился 30-летний, но уже достаточно известный композитор Иван Иванович Дзержинский, автор опер «Тихий Дон» и «Поднятая целина», написанных еще до приезда сюда.

Летом на Первомайской улице можно было встретить человека преклонных лет — писателя Александра Ивановича Свирского, автора известной повести для детей «Рыжик». На вершине Пушечной горы построил себе дачу Леонид Филиппович Савранский, народный артист РСФСР, певец, драматический баритон, более 30 лет жизни отдавший Большому театру. На улице Ленина жил венгерский писатель-антифашист Бела Балаш.

Нередко в Истру на своем красном самолете ПО-2, подаренном ему советским правительством, прилетал «дедушка русской авиации» Борис Исидорович Российский и в небе над городом демонстрировал высший пилотаж. Приезжали в Истру и такие известные военные деятели, как К. Е. Ворошилов, М. Н. Тухачевский, Х. Чойбалсан, Герой Советского Союза М. В. Водопьянов. В Истру приезжал писатель А. Н. Толстой, работавший над романом «Петр I», чтобы увидеть места исторических событий, которые он предполагал описать в романе.

Деятельность руководящих органов в довоенный период изучена слабо. Известно следующее. В 1930-е гг. в Истринском исполкоме появился энергичный председатель Пилютик. При нем всячески поощряли ударников труда, например, им устраивали прогулки на самолетах и в аэросанях. По его призыву все неработающие, вплоть до стариков и детей, выходили на субботники: красили дома, сажали цветы, делали тротуары. В воскресенье буквально всю Истру вывозили за город: играли патефоны, баяны. Проводились сельскохозяйственные выставки, колхозников награждали, например, петухами...

В 1932—1937 гг. секретарем Истринского райкома ВКП(б) был Владимир Александрович Волынский (настоящее имя — Балтрус Матусявичус, родился 2.01.1899 в местечке Ракускай на западе Литвы в семье середняка). В печально известном 1937 году его объявили врагом народа: «...проявлял в своей работе политическую беспечность и благодушие, потерял революционную бдительность, разложился в бытовом отношении и ссорся с чуждыми партии людьми, врагами народа <...> Тесную дружескую связь имел Волынский и с разоблаченным недавно врагом народа, бывшим секретарем Красногорского райкома ВКП(б) Тупиком...»

В августе 1937 г. Волынского арестовали, 9 февраля следующего года Военной Коллегией Верховного суда СССР он был приговорен к «высшей мере». Его обвинили в организации покушения на Сталина в г. Истре, в том, что хотел создать в районе троцкистскую группу, проводил вредительство в сельском хозяйстве и одобрял террор в качестве основного метода борьбы с ВКЩб) и советским правительством. Был реабилитирован 16 марта 1957 г.

Репрессии коснулись и семьи Е. С. Радченко. Она продолжала трудиться в музее и радовалась, что менялся облик советских людей, все шире вовлекаемых в общественную деятельность. И тут произошло, казалось бы, необъяснимое. 27 мая 1937 г., еще до начала повальных арестов, схватили ее сына Дмитрия (р. 1919), ученика 10 класса Истринской школы, а на следующий день — мужа Натана Александровича Шнеерсона. Евгения Степановна была в отчаянии и никак не могла понять происшедшего... Отправилась в Москву, к Н. К- Крупской, с которой была в хороших отношениях. Выслушав, Крупская повторила несколько раз: «Женечка, я ничего не могу сделать...» Сама Радченко в 1938 г. попала в Бутырскую тюрьму как жена «врага народа» и отсидела в ней полгода. Затем ей удалось с помощью Крупской устроиться в только что открывшуюся Историческую библиотеку. Она умерла 9 января 1988 (похоронена в г. Истре), так и не узнав подробностей судьбы мужа и сына. В 1992 г. в ответ на запрос в тогдашнее Министерство безопасности РФ пришел ответ: Н. А. Шнеерсон расстрелян 28 октября 1937 г. якобы за «участие в контрреволюционном заговоре», Д. Шнеерсон был осужден на 5 лет лагерей и предположительно умер в заключении. Дочь Н. А. Шнеерсона и Е. С. Радченко Вера Натановна Михайлова предоставила для этой книги фотографии из семейного архива.

ИСТРИНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг. ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Почти все свидетели сходятся в том, что к середине 1930-х материальный уровень жизни снова повысился. А в 1936 г. произошло изменение в колхозной политике. Теперь, когда раскулачивание было позади, можно было опять заговорить о необходимости иметь крепкое подворье, но уже советское, колхозное. Газеты буквально запестрели сочетанием слов «колхозная зажиточность».

В стране возродился патриотизм. Снова заговорили о славном прошлом России, Бородинской битве, Суворове, Минине и Пожарском. В начале 1937 г. страна торжественно отметила 100-летие смерти А. С. Пушкина. Казалось, должна была наконец прийти эпоха стабильности и покоя. Но надвигалась Великая Отечественная война, нарушившая мирное течение жизни.

Тяжелые испытания выпали на долю жителей района и города в годы Великой Отечественной войны.

В первые десять дней войны из района на фронт ушло более 10 тыс. человек. Вскоре Истра стала прифронтовым городом. Предприятия районного центра были переведены на выполнение военных заказов. Швейная фабрика и артель «Швейник» шили обмундирование, артель «Металлист» изготавливала детали для мин, артель по производству мебели освоила выпуск лыж для армии. Все трудоспособное население города, которое привлекли к строительству оборонительных сооружений, находилось в распоряжении и выполняло задания комендантов инженерных частей 5-й и 16-й армий Западного фронта. В осеннее время, нередко под проливным дождем, люди рыли окопы, противотанковые рвы, строили дзоты, создавали завалы. В городе создали истребительный отряд для усиления охраны военных объектов. Без отрыва от производства в учебных командах готовили связистов, снайперов, истребителей. Молодежь организовывала ночные проверки состояния светомаскировки, несла охрану на улицах города и в учреждениях. Штаб противовоздушной обороны был развернут в подвале церкви Вознесения. С выпускного вечера ушли на фронт все юноши-десятиклассники школы им. А. П. Чехова — Борис Базанов, Сергей Волков, Гавриил Маков, Игорь Молодянович, Борис Ремизов, Михаил Рубин, Виктор Свиридов, Альберт Шокман. В первые дни войны были отправлены в действующие части выпускницы двухгодичной школы медсестер при Истринской больнице, которой руководил главврач К. А. Боголюбов.

В ноябре—декабре 1941 г. Истринский район стал местом ожесточенных боев наших войск с фашистскими захватчиками. Второй этап наступления немцев на Москву, который носил кодовое название «Тайфун», предусматривал разгром советских войск на двух направлениях — Вяземско-Московском и Брянско-Московском, то есть обход Москвы с севера и юга. Замкнуть клещи стратегического окружения Москвы планировалось в районе Ногинска с помощью прорыва туда бронетанковых войск.

Особое значение немецкое командование придавало Истринскому направлению. Здесь были сосредоточены крупные силы — две танковые и две пехотные немецкие дивизии. Наступление немецко-фашистских войск началось 16 ноября. Враг намеревался прорваться к столице с северо-запада и нанести по ней один из решающих ударов.

На этом участке фронта против немцев действовали левофланговые соединения 16-й армии под командованием генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского и правофланговые 5-й армии под командованием генерал-майора Д. Д. Лелюшен-ко. Силы сторон были не равны. Против 400 средних немецких танков и 1030 ар-тиллерийских орудий и минометов наше командование могло противопоставить противнику лишь 150 легких танков и 767 орудий и минометов.

На территорию района противник прорвался 18 ноября 1941 г. В кровопролитных боях части 16-й армии под командованием генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского вынуждены были отступать, изматывая врага контрударами и умело организованной обороной. «Развернулись ожесточенные сражения, — писал маршал Советского Союза Г. К. Жуков. —

Особенно упорно дрались наши стрелковые дивизии, 316-я генерала И. В. Панфилова, 78-я полковника А. П. Белобородова и 18-я генерала П. Н. Чернышева, 1-я гвардейская, 23, 27, 28-я отдельные танковые бригады и кавалерийская группа генерал-майора Л. М. Доватора».

26 ноября 78-я стрелковая дивизия вынуждена была перейти на правый берег Истры. Наши войска заняли оборону в самом городе и на его северной и южной окраинах у д. Рычково и Трусово.

В течение двух дней - 25 и 26 ноября в городе шли непрерывные и ожесточенные бои. Немцы подвергли Истру непрерывному артиллерийскому обстрелу с воздуха. Город был сожжен почти дотла. За мужество и стойкость, в боях на подступах к Москве, 26 ноября 78-я стрелковая дивизия была переименована в 9-ю гвардейскую, а ее командиру А. П. Белобородову присвоено звание генерал-майора. 27 ноября противник полностью захватил город. 28 ноября штаб 16-й армии отдал приказ об отходе дивизии на новые рубежи.

Накануне оккупации города аппарат райисполкома и Истринский райком партии переехали в г. Дедовск. После переезда в Дедовск, 26 ноября состоялось последнее заседание райкома в легальных условиях.

Оккупация Истры длилась две недели. Скупые строки воспоминаний немногих оставшихся в городе жителей рассказывают о жестоких издевательствах, грабежах, насилиях и уничтожении захватчиками культурных ценностей Истры. В 4 часа утра 26 ноября немцы ворвались на территорию музея в Ново-Иерусалимском монастыре, сломали его западные ворота, которые до этого несколько лет были закрыты, и начали выгонять из своих квартир сотрудников музея. В квартирах поселились немецкие офицеры и солдаты. Женщины с детьми прятались в подвалах монастыря и пробыли там почти все время оккупации. В ските Патриарха Никона и в подвалах монастыря прятались жители «красного дома», что стоял у главного входа в монастырь. Собор и надвратная церковь были превращены захватчиками в склады боеприпасов, находившиеся там ценности, разграблены. В здании музея, из которого были выброшены все экспонаты, немцы поместили свой штаб и госпиталь. Всех оставшихся на территории монастыря людей они заставляли работать на себя — носить воду, колоть дрова, топить печи, стирать. Такая же участь постигла и многих других горожан.

Из городской больницы в маленький домик детского отделения было выселено 27 тяжело больных женщин, детей и стариков. Ни медикаментов, ни дров, ни еды у этих людей не было. Ухаживала за ними единственная медсестра Александра Павловна Горчилина. В больнице немцы устроили госпиталь, все медикаменты больницы были ими забраны для своих раненных.

Фашисты разъезжали по городу на патрульных мотоциклах. На стенах оставшихся стоять домов, они повесили объявления со свастикой, в которых призывали к «новому порядку и сотрудничеству», на улицах звучала чужая речь. Большинство лишившихся своего крова людей жили в оврагах на окраине города, лесах, землянках и палатках.

В первых числах декабря наступательные возможности немцев оказались исчерпанными. Далее 41-го километра Волоколамского шоссе они продвинуться так и не смогли. 6 декабря части 16-й и 20-й армий, действовавших на Истринско-Солнечногорском направлении, перешли в решительное контрнаступление и погнали врага на запад. Наступление проходило в трудных климатических условиях, стоял 40-градусный мороз.

Уже 10 декабря начались ожесточенные бои на подступах к Истре. Предвидя неминуемость отступления, саперы дивизии СС «Райх» около трех часов дня взорвали Воскресенский собор, башни ограды и разрушили перекрытия Трапезных палат. Территория монастыря и основные городские дороги были заминированы. Часть городских домов были взорваны или сожжены. В черте города были размещены скрытые огневые точки, опорные пункты устроены в ряде каменных зданий и на кирпичном заводе.

Жителям города было приказано к 10 часам утра покинуть город, невыполнение приказа грозило расстрелом. Под охраной автоматчиков людей сначала погнали в сторону Рузы, а затем вновь направили в Истру. Немцы говорили, что ведут их «к Сталину, к русским». По мнению тех, кто находился среди конвоируемых, фашисты намеревались прикрыться ими

при отступлении своих войск или использовать на прифронтовых работах.

Утром 11 декабря после массированной артиллерийской подготовки начался бой за Истру. В освобождении города принимали участие 9-я гвардейская стрелковая дивизия, недавно оборонявшая город, и отдельные части 18-й стрелковой дивизии и 17-й танковой бригады. Наступление одновременно велось с нескольких сторон. Через центр города наступал 22-й гвардейский (258-й) стрелковый полк под командованием М. А. Суханова. В первом эшелоне южнее от Волоколамского шоссе шел первый батальон Ивана Николаевича Романова. Севернее Волоколамского шоссе наступал третий батальон, которым командовал лейтенант Ш. Х. Юсупов. За ними, во втором эшелоне полка на стыке первого и третьего батальонов находился второй батальон 22-го гвардейского стрелкового полка. В направлении Сычевки наступали 18-й (командир А. П. Коновалов) и 131-й (командир Николай Гаврилович Докучаев) гвардейские стрелковые полки. С севера в район городской больницы продвигался 365-й стрелковый полк 18-й стрелковой дивизии. Атаки пехотных частей поддерживались артиллерией. Немцы не выдержали натиска наших войск и, понеся большие потери, отступили на правый берег реки Истры. К исходу дня город был освобожден.

Истра была первым городом, который освободили советские войска в ходе контрнаступления под Москвой.

Руководители города и района вступили в Истру вместе с войсками. Секретарь Истринского райкома ВКП(б) Георгий Михайлович Данилов вспоминал: «Как только мы вошли в город, нам сообщили, что в подвале сгоревшей городской больницы спрятались много жителей и раненных красноармейцев. Мы поспешили к ним на помощь. Кругом кипел бой. Грохотала артиллерия, рвались снаряды, мины... Отыскиваем вход в подвал. Распахиваем дверь. — Здравствуйте, товарищи! — кричит с порога С. М. Баталии, председатель райисполкома... Десятки людей со слезами радости бросились нам навстречу... — Родные наши! Спасители!.. В подвале скрывалось от немцев более 350 женщин, детей и раненных красноармейцев». Людей накормили уже через несколько часов, больных и раненных отправили в Дедовск.

Тяжесть оккупации, разорение, пожары пережили многие истринцы. Среди них — семьи Козловых, Никифоровых, Репьевых, Савельевых, Ханаевых. После освобождения города наши войска предприняли несколько попыток сходу форсировать р. Истру, в частности, у д. Никулино, однако эти попытки не удалось. Правый берег реки был сильно укреплен, к тому же немцы взорвали плотину Истринского водохранилища и уровень воды в реке поднялся до четырех метров. В отдельных местах ширина реки достигала 50 метров. Переправиться на другой берег на плотках также не удавалось из-за сильного артиллерийского и минометного огня противника. 15 декабря еще шли бои в северной части города, у городской больницы. Несмотря на то, что борьба за переправу продолжалась в течение трех суток, врагу не удалось остановить наступление наших войск. К 17 декабря весь Истринский район был освобожден от захватчиков.

Всю зиму 1941 г. и весну 1942 г. хоронили найденных в лесах и в сожженных деревнях трупы воинов и мирных жителей района. Многочисленные памятники стоят на местах братских захоронений на всей Истринской земле.

Жители Истры никогда не забывали о своих освободителях. В городском парке, на высоком берегу, после войны был воздвигнут монумент в честь воинов, сражавшихся на истринском направлении. Надпись на памятнике гласит: «Здесь в ноябре 1941 г. героически сражались войска 16-й армии, отражая бешеный натиск врага, рвавшегося к Москве. 11 декабря 1941 г. эта армия в ходе контрнаступления в составе Западного фронта освободила г. Истру от немецко-фашистских захватчиков». В сквере, на площади Революции, стоит мраморный обелиск Герою Советского Союза капитану Алексею Петровичу Босову, погибшему 18 ноября 1941 г. у д. Городище. На пересечении Советской и Первомайской улиц построен мемориал освободителям города на воинском захоронении (скульптор В. Махтин, архитектор В. М. Зуба-хин). В знак благодарности своим защитникам и освободителям ряд улиц города названы именами героев войны и особо отличившихся

частей: имени Героя Советского Союза А. П. Босова, имени генерал-майора И. В. Панфилова, 9-й гвардейской дивизии, Народного ополчения. Звание почетного гражданина г. Истры присвоено командующему 9-й гвардейской стрелковой дивизии генералу А. П. Белобородову и командиру батальона 22-го гвардейского стрелкового полка И. Н. Романову.

В Истре в сквере, разбитом школьниками рядом со школой им. А. П. Чехова, стоит памятник выпускникам этой школы, не вернувшимся с войны. Шестеро из них, 18-летних мальчиков, погибли в 1941 г. в одном бою под г. Ярцево Смоленской области. Во время атаки был сражен пулеметной очередью Сергей Волков, убит прямым попаданием мины Михаил Рубин, после гибели командира принял на себя командование батальоном и погиб в бою Виктор Свиридов, умер на операционном столе от тяжелых ран Сергей Молодянович, погибли Гавриил Маков, Борис Базанов.

В Истре живут десятки участников Великой Отечественной войны. Среди них есть и те, кто воевал на Истринской земле. Их имена увековечены в «Книге памяти Истринского района».

В результате тяжелых боев и преднамеренного уничтожения немцами городских построек в Истре остались целыми только два дома — один на Советской, другой на улице Морозова. Всего в городе было сожжено или взорвано 1084 дома, разрушены электростанция, швейная и мебельная фабрики, водонасосная станция, больница, четыре школы, кинотеатр, Дом пионеров, городская библиотека, восемь магазинов, три детских сада, дом А. П. Чехова, взорван монастырь. Город представлял собой сплошные, засыпанные снегом руины, из которых торчали дымоходы печей и срезанные снарядами стволы почерневших от пожаров деревьев. Возвращавшихся из лесов и деревень жителей город встречал мертвой тишиной и запахом гари.

Лишенные крова люди устроивались, как могли. Рыли землянки во дворах своих разрушенных домов, приспособляли под жилье первые этажи не полностью уничтоженных зданий, уходили жить в уцелевшие деревни. Основная масса оставшихся без домов истринцев ушла в г. Дедовск, где была развернута «пищевая станция», кормившая 400 человек в сутки. Здесь же работала хлебопекарня, которая ежедневно обеспечивала хлебом до пяти тысяч человек. Пекарни и магазины были открыты в Павловской Слободе, Снегирях, Нахабине, Истре. Через несколько дней после изгнания немцев из района начали работать мельницы — Ивановская и Зенькинская.

Управлять районом из полностью разрушенного города было невозможно. Временным центром района стал г. Дедовск. Исполком райсовета, горком, райком и другие учреждения и организации размещались в здании фабрично-заводского училища Дедовской прядильно-ткацкой фабрики. Председателем райисполкома в 1940—1942 гг. был Семен Михайлович Баталии. Районным комитетом партии руководил Г. М. Данилов.

Большую шефскую помощь в восстановлении города оказал Фрунзенский район Москвы, который прислал в Истру своих строителей. Восстановление города начали со строительства больницы и школы, строили их вместе с шефами всем миром. Люди уезжали в лес на несколько дней, заготавливали там бревна, затем возили их в город. Одновременно проводились субботники по заготовке дров. В восстановлении города принимали участие женщины, старики, дети и выбывшие из боевых рядов раненые воины. Больница была введена в строй весной 1942 г., школа им. Н. К. Крупской в 1943 г. Приходила помощь и из других мест. Вскоре после освобождения города рабочие шахты № 3 дальневосточного треста «Артемуголь» отчислили из своего заработка в помощь колхозу им. А. В. Ухтомского 60 тыс. руб.

С 1941 по 1943 г. в разрушенном городе в разное время дислоцировалось двенадцать военных госпиталей с сотнями раненых бойцов: полевых подвижных, хирургических, эвакогоспиталей. Несмотря на собственные трудности, жители Истры оказывали им посильную помощь. В июне 1943 г. город стал местом формирования Первой штурмовой комсомольской инженерно-саперной бригады резерва Верховного Главнокомандующего. После боевой месячной подготовки по ведению штурмовых действий бригада была

отправлена на фронт.

Истра медленно вставала из руин. В 1943 г. Г. М. Данилов писал: «Город до сих пор еще носит страшные следы опустошения. Стоят коробки лучших зданий, одиноко поднимаются высокие трубы, улицы сплошь заросли травой и бурьяном. Но город не мертв. Он полон жизни...».

К этому времени в Истре работал промкомбинат, который пилил лес, делал кровельную щепу, изготавливал металлические детали для строительства домов. В березовом парке действовали амбулатория и больница, работала школа, в клубе показывали фронтную кинохронику и довоенные кинофильмы. В феврале 1942 г. на экраны страны вышел первый полнометражный документальный фильм «Разгром немцев под Москвой», и жители Истры, несомненно, видели его. Люди начали выбираться из землянок и строить небольшие домики, приспособив для жилья полуподвальные и первые этажи разрушенных домов.

С весны 1942 г. началось восстановление истринской электростанции. Наравне со взрослыми на тяжелых работах по монтажу высоковольтных линий работали 16-летние «крепкие мальчишки», которые не отказывались ни от какой работы. Один из них — Михаил Алексеевич Мазов, столетия спустя вспоминал: «Я являюсь одним из этих крепких мальчишек... Да, мы сами копали ямы под А- и П-образные опоры глубиной до двух метров. Сами подтаскивали столбы и вязали опоры. Поднимали опоры ручной лебедкой, которую и носили от опоры до опоры на руках. Подвешивали гирлянды и провода... работая, висели почти вниз головой. Работа была не только трудная, но и опасная». В 1943 г. в Истре и близлежащих деревнях зажглись электрические лампочки.

В 1943 г. исполком райсовета и райком партии переехали из Дедовска в здание санатория им. А. П. Чехова. По воспоминаниям сотрудницы райсовета М. И. Майоровой, «мест не хватало, жилья не было. Порой спали на столах в своих рабочих кабинетах».

Первоначально восстановление Истры планировалось произвести по проекту академика А. В. Щусева. Работа над этим проектом велась в 1942—1944 гг. Проект предусматривал строительство в городе в основном одно- и двухэтажных деревянных домов, в том числе на старых фундаментах. Для жилых домов выделялись большие по тем временам участки — от 600 до 1200 кв. м. При каждом доме должны были быть сад и огород. Первомайская улица становилась зеленым бульваром с парком курортного типа на 100 га, который доходил до самой реки. На противоположном, правом берегу реки было задумано строительство спортивной базы со стадионом и водохранилищем. При строительстве ряда городских зданий А. В. Щусев планировал использовать некоторые формы древнерусской архитектуры XVII в, которые, по его мнению, гармонично сочетались с местным пейзажем. По проекту основное здание — райисполком — находилось на центральной городской площади. Предполагалось, что оно будет возведено по типу городской ратуши и его архитектура должна была быть созвучной с постройками Ново-Иерусалимского монастыря. В целом основная идея восстановления города состояла в том, чтобы сделать Истру подмосковной здравницей. «Здесь будет как бы наше северное Сочи с набережными и парками, с видом вместо моря на живописную долину реки», — писал А. В. Щусев.

Проект А. В. Щусева строительства Истры не был претворен в жизнь. Война, отсутствие финансирования и реальная жизнь — людям надо было где-то жить — стали основными причинами того, что Истра начала застраиваться в первые послевоенные годы небольшими деревянными домами. Местные власти оказывали застройщикам посильную помощь. К концу 1946 г. было построено 168 индивидуальных домов, к 1948 г. их стало 267. Строительство домов шло в основном на улицах В. И. Ленина, 9-й гвардейской дивизии, М. С. Урицкого, Первомайской. В 1946—1950 гг. в городе были введены в строй: новый универмаг, кинотеатр на 300 мест, школа им. А. П. Чехова, книжный магазин, детсад и ясли. В начале 1950-х гг. регулярно стали ходить электрички до станции Новоиерусалимская.

Заново создавалась местная промышленность. К концу 1950-х гг. работали: завод металлоизделий, строительно-монтажное управление, колбасная фабрика, хлебозавод, завод фруктовых вод, Лучинская швейная фабрика. Восстанавливались или создавались новые

промысловые артели. Общее число занятых на этих производствах людей не превышало несколько сот человек. Между тем город рос, в 1953 г. в нем насчитывалось 800 индивидуальных домов. К 1959 г. численность населения Истры достигло 7 тыс. человек. С 1961 г. в Истре началось применение газа для бытовых нужд населения.

Коренные изменения в развитии города произошли в начале 1960-х гг. В Истре открылось несколько филиалов научно-исследовательских институтов и опытных производств, которые оказали влияние не только на занятость населения, но и на развитие инфраструктуры города. Начали работать опытный завод ВНИИПТ (Всесоюзный научно-исследовательский проектно-технологический институт) «Углемаш», опытная база ВНИИЭТО (Всесоюзный научно-исследовательский институт электротермического оборудования), ФВНИИЭМ (Филиал всесоюзного научно-исследовательского института электромеханики) и другие.

Появление новых производств и увеличение численности населения вызвали необходимость расширения границ города. В 1963 г. его территория была увеличена на 400 га. В городскую черту вошли д. Макруша, Полево, Сычевка, железнодорожные станции Истра и Новоиерусалимская, пос. Рабочий и Кооперативный. Находившиеся на этих территориях предприятия вошли в черту города, в том числе Лучинская швейная фабрика и механический завод. Территория города при этом увеличилась более чем вдвое.

С 1959 г. в Подмоскowie обозначилась новая тенденция: началось принудительное сселение мелких деревень. С 1959 по 1970 г. были уничтожены 627 мелких селений, 1183 слились с более крупными. Теория «перспективных» и «неперспективных» населенных пунктов отражена в практическом документе, который лежал на столе у каждого районного руководителя, — «Перечне сельских населенных пунктов Московской области, в которых разрешается размещение нового государственного и колхозного строительства» (1968). К началу 1968 г. предполагалось полностью выселить деревни с 10—25 дворами, а в конечном итоге оставить лишь селения с числом жителей не менее 100. Во всем Истринском районе должно было остаться всего 43 сельских населенных пункта. Стройная теория воплотилась в жизнь частично, деревни сселять не успевали. Но в Духанинском и частично Ермолинском округе почти одновременно ликвидировали несколько деревень, переселив их жителей в новоустроенный Агрородок. Некоторые селения, попавшие в привилегированный список и уже оснащенные соответствующей производственно-жилищной базой, позже были заброшены. Яркий пример такого случая — д. Бочкино. На месте вымерших селений возникали садовые участки (Куртасово), животноводческие и птицефермы (Железниково, Саввино). На карте очертания некоторых дачных участков в точности повторяют контуры прежних селений (Ивакино, Куртасово), что говорит о своеобразном продолжении их существования, ибо «свято место пусто не бывает». И там, откуда было выселено коренное население, расположились дачи москвичей, которые и сами зачастую еще недавно, в первом или втором поколении, были сельскими жителями и так же были вынуждены бросить родные места и искать в столице заработок и более комфортабельные условия для жизни. Так оказался разрушенным традиционный уклад жизни русского крестьянина, и сегодня мы видим, какие пагубные последствия для духовной жизни народа имеет это разрушение.

С другой стороны, укрупнение колхозов и совхозов, объединяемых в послевоенные годы словом «артель», несомненно дало новый импульс развитию сельского хозяйства. Та структура акционерных обществ, которая наблюдается в районе сегодня, сложилась именно в 1960-е гг.

ВОЗРОЖДЕНИЕ МОНАСТЫРЯ

Вскоре после изгнания немцев, в 1943 г., произвели обмер уцелевших частей собора под руководством А. В. Щусева. Встал вопрос, в каких формах возродить его: никоновских или барочных? Дискуссий было немало, но победила простая логика. Для восстановления убранства в духе XVIII в. уцелело достаточное количество элементов, чего нельзя было сказать об интерьере первоначальном.

Осенью 1942 г. архитекторы Академпроекта П. Д. Барановский и Р. П. Подольский

приступили к проектным работам по восстановлению монастыря. Предварительные чертежи были готовы в первой половине 1943 г. К самой реставрации смогли приступить лишь в примерно в 1960 г. В связи с этим нельзя не сказать еще об одном проекте. На встрече со Сталиным в Кремле в середине 1940-х гг. У. Черчилль выразил пожелание в течение двух ближайших лет с помощью английских рабочих восстановить монастырь и преподнести его как подарок России. На это генсек ответил, что вопрос входит в компетенцию Патриарха Московского и Всея Руси. Патриарх Алексей I, присутствуя при разговоре, заявил: Русская Православная Церковь не настолько бедна, чтобы не восстановить Храм своими силами.

По воспоминаниям местных жителей, вскоре после войны в Истру приезжала группа иностранных архиереев, которые хотели удостовериться, что действительно немцы взорвали Ново-Иерусалимский монастырь. Они просили местные власти дать им сопровождающего из местных старожилов, но беспартийного. Выбор пал на Николая Федоровича Грузова, работника горсовета, действительно беспартийного. Комиссия осмотрела монастырь, по окончании работы на улице, перед собором, были накрыты столы под белой скатертью, возможно, что и молебен был отслужен, а потом было угощение. Как передавал Николай Федорович, архиереи сказали властям, что Зарубежная Церковь может восстановить монастырь, но их предложение было отклонено. После этого они несколько лет писали Николаю Федоровичу, интересовались положением монастыря, положением верующих, но он, по понятным причинам, не отвечал.

После войны было потепление в отношениях между Церковью и государством. В Истринском районе действовали три храма: Покровско-Рубцовский, на Троицком погосте и Покровский храм на территории Обушковского сельсовета. Во всех трех храмах организовали сбор средств на восстановление монастыря. В банк потекли крупные суммы, но вдруг поток иссяк. Как выяснилось, приходы получили указание прекратить сборы, так как развалины монастыря были переданы (а лучше сказать, оставлены) областному историко-краеведческому музею.

Областной музей смог открыть свои залы в 1959 г. В 60—70-е гг. посетители уже могли любоваться обширными экспозициями, развернутыми в архимандричьих и трапезных палатах. Здесь были представлены документы, позволяющие проследить историю восстановления монастыря из руин, многочисленные предметы изобразительного искусства XVIII—XIX вв. К сожалению, своды трапезного храма были покрыты неуместной росписью под ночное небо с лучами военных прожекторов.

В 1970-е гг. под стенами обители был создан небольшой музей деревянного зодчества. Сюда перевезли ветряную мельницу, дом богатого крестьянина из д. Выхино, храм Богоявления из с. Семеновского Пушкинского района и часовню Воздвиженского погоста Домодедовского района. Все это было заботливо отреставрировано. К сожалению, в 2000 г. Богоявленский храм сгорел.

На рубеже 1970-х и 1980-х гг. неподалеку от Нового Иерусалима, к западу возвели металлический шар высотой под сотню метров, обтянутый белой пленкой. Здесь предполагалось создать полигон для испытания токов высоких напряжений. Ультрасовременный купол не только не гармонировал с окружающим пейзажем и монастырем, но и совершенно подавлял его. Протесты защитников старины игнорировались. Но утром 25 января 1985 г., в день св. мученицы Татианы гигантский шар сложился и рухнул без всякого видимого воздействия. Больше его построить не пытались.

В 1980-е гг. государство изменило отношение к религии. Были вновь открыты Московский Свято-Данилов монастырь (1983), Оптина пустынь (1987). По-настоящему процесс открытия храмов начался после 1000-летия Крещения Руси (1988). Наступил черед Нового Иерусалима. 18 июля 1994 г. Священный Синод Русской Православной Церкви вынес постановление о возрождении Ставропигиального Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря под каноническим управлением Патриарха Московского и всея Руси. Наместником монастыря назначен архимандрит Никита (Латушко). В конце 1996 г. произошло еще одно отрадное событие: 24 декабря 1996 г. вышел приказ Министерства

культуры о передаче мощей мученицы Татианы. 5 декабря 1997 г. ковчег с мощами был перенесен из музейного хранилища в храм Рождества Христова, освященный 6 декабря того же года Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, Были собраны средства на восстановление гробницы Патриарха Никона.

Долгие годы музей «Новый Иерусалим» возглавлял Василий Фролович Нижегородов, в 1990-е гг. его сменила Надежда Тимофеевна Трутнева. С 2001 г. музей возглавляет Наталья Алексеевна Абакумова, верящая в то, что совместными усилиями всех заинтересованных сторон трудности в жизни музея и монастыря будут преодолеваются.

23 июня 2008 года Священный Синод Русской Православной Церкви утвердил благочинного Всехсвятского округа Москвы игумена Феофилакта (Безукладникова) наместником Воскресенского Новоиерусалимского ставропигиального мужского монастыря.

23 июля 2008 года Новый Иерусалим посетили Святейший Патриарх Алексий II и Президент России Д.А. Медведев. Они осмотрели сооружения обители, и, убедившись в том, как много еще предстоит сделать для возрождения прежнего благолепия монастыря, приняли решение о создании Благотворительного фонда по восстановлению Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря и согласились стать сопредседателями его Попечительского Совета.

Сейчас идет полномасштабная реставрация всероссийской святыни. Новый Иерусалим будет возрожден.